

Ольга
ПРИХОДЧЕНКО

СМЫТЫЕ ВОЛНОЙ

Одесситки

Ольга Иосифовна Приходченко

СМЫТЫЕ ВОЛНОЙ

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22826489

Смытые волной: Человек; Москва; 2014
ISBN 978-5-906131-32-4

Аннотация

«Одесситки», «Лестница грез» и, наконец, предлагаемая читателю новая книга Ольги Приходченко «Смытые волной» представляют собой увлекательную сагу о жизни замечательного города, рассказанную на примере судьбы нескольких одесских семей, о которых автор – уроженка Одессы – знает не понаслышке.

Содержание

Стопка самогона с коркой черного хлеба	6
Жизнь прекрасна и удивительна	45
Будьте вы все прокляты	69
Встречи, расставания	103
Следствие ведут не знатоки	114
Одесская завмагша мадам Соболева	157
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Ольга Иосифовна Приходченко Смытые волной

© Приходченко О. И., 2014

© Издательство «Человек», издание, оформление, 2014

* * *

Моим читателям!

Когда я еще работала над своей первой книгой «Одесситки», то думала: скорее бы поставить точку и успокоиться. Тем более что сил она отняла немало – и физических, и душевных. Но изнутри настойчиво точило: как бросить, успо-

коиться, ведь в «Одесситках» не до конца прослежены судьбы многих людей и своя собственная. Так появилась «Лестница грез», опять в центре повествования мой добрый, вкусный и любимый город.

Ну, теперь уж точно все, задача выполнена, как ни грустно, я расстаюсь с Одессой. И опять не получилось. Покой с его размеренным ритмом снова отодвинулся. Его смыло волной вместе с этой книгой. Сложилась своего рода трилогия. Мне будет безумно интересно узнать, насколько она зацепила вас, дорогие читатели.

Что дальше? Трудно сказать. Много чего любопытного случилось и в Москве за те уже немало лет, что живу здесь. Однако, как говорится, это совсем другая история Никаких авансов. Получится написать – напишу.

Ольга Приходченко

Стопка самогона с коркой черного хлеба

Лето 1970 года. Несносная жара. Пот не в три, а, наверное, во все пять ручьев скользит от шеи до пят. Пока доберешься до базы, хоть все снимай с себя и выжимай. Вентиляции в помещении никакой. Даже с открытыми окнами сдохнуть можно, жуткий настой духоты с неприятными запахами испарения от взмокших женских тел. Работы, как всегда, уйма, голову не оторвешь от стола, заваленного кучей бумаг, от цифр рябит в глазах, в туалет сходить некогда. С «верху» замучили вводными, то такую сводку давай, то другую гони. И все срочно. И еще эти бесконечные совещания у разного начальства, одно и то же перемалывают по десятку раз. И если бы еще в суть дела вникали, все с умными лицами, будто вместе с нами живут этой суетой. А сами мыслями кто где, мысли одного я точно знаю: поскорее свалить и нырнуть в постель к любовнице, ресторанной тетке с Черемушек. Над ними посмеивались: при такой-то должности мог прихватить кралю попривлекательнее, чем эта с габаритной задницей и не уместавшимися в бюстгальтере сиськами, выползавшими наружу из расстегнутой на все пуговицы кофточки. Кому как, значит, чем-то брала она этого прохиндея в ковбойке с вечно замусоленным воротником.

В общем, горячая пора, все стоят на ушах или делают вид. Самое время реализации обильного урожая. Со своим, что собрали колхозы и совхозы области, разобраться бы, а тут, вдобавок, из соседних везут. И еще Молдавия пристроилась, так и рвется на одесский рынок. О личных подсобных хозяйствах инициативных куркулей я вообще молчу. Цены у них баснословные, и ведь ни за что не поумерят свой зверский аппетит, но отдыхающих, особенно кто с Севера прикатил, а то из Сахалина и Курил, да еще с детьми, это не отпугивает, сметают все подряд. Затоварятся – и на пляж с полными авоськами. Рот не закрывается, жуют все подряд, к обеде кошелки опустошают до дна, а еще сколько времени до темноты, так снаряжают гонца на стихийные базарчики, что присосались к каждому пляжу, или на Седьмую станцию на трамвае едут, там еще дороже, но это мало кого смущает.

Местному населению не до моря и загара, для одесситов это страдная пора заготовок варений, компотов, соков; ни за что нельзя упустить тот самый момент, когда на Привозе одновременно и большой завоз, и низкие цены именно на данную фрукту, будь то черешня, вишня, абрикосы, персики и все прочее. Я теперь для своих знакомых и друзей первый осведомитель и поставщик информации, потому что уже заранее знаю, что ожидается снижение цен на всю эту плодово-овощную продукцию. А уж куда, в какой магазин, а главное, когда будет отправлена машина с этим скоропортящимся товаром, мне сообщат со склада в отдел, по моей же предва-

рительной просьбе. Система внутренней сигнализации давно отлажена, это маленькое одолжение никого особенно не утруждает. Я передаю эти сведения на работу моей сестре, и они всей своей термоизоляционной конторой с ведрами и кошелками выдвигаются в заданный район боевых действий, обычно на улицу Ленина в близлежащий к ним овощной магазин.

Прибыть нужно заранее, пока около него пусто, ибо, если даже чуточку припозднишься и машина уже прибыла, можно очередь уже не занимать,дохлый номер, нюх у тех, кто живет в домах рядом, дай боже, они первыми набегут, следом за ними выстраиваются прохожие, снующие по городу в поисках всего, что попадает под руку, и людская цепочка растягивается на целый квартал. Шум, гам, горячая смесь веселья с руганью (вас тут не стояло). Лучшего места узнать самые свежие сплетни не найти, а уж анекдоты травят почем зря, соленые, с матерком, никого не стесняются, с ехидством (редко, но случались и добрые) на еврейскую тему, она – как глубоко засевшая заноза, не выковырнешь. Я всегда удивлялась, как только запоминают, сыпят анекдоты, рот не закрывается, у меня на них память слабая, посмеюсь, если смешно, – и тут же забуду. «Ося, чтоб ты сдох! Кушай кефир – тебе нужно поправляться. И не пей столько горячего чая, лопнет мочевого пузыря, и ты ошпаришь себе ноги!» «Ефим Исакович, в чем вы храните свои сбережения? – В мечтах». «Тя Мотя, почему ты не выходишь замуж? – А разве кто-то

меня берет? – А что, ты уже у всех спрашивала?»

Очередь надрывала животы, ее раздувало от хохота. Последние в ней еще не знали, что скоро им будет не до смеха, останется на их долю одно гнилье, отходы. Некондицию сбавляли за копейки, а то и так, задаром, лишь бы забирали. И брали, в борщ пойдет, или пятиминутку какую-нибудь сварганят, а мужикам на настойку сгодится, сахарку только не жалеть.

Конечно, можно сбегать на Привоз, как вариант, потолкаться и купить то же самое, даже и сторговаться подешевле. Но это совершенно иное, нет того сладостного ощущения, когда только ты знаешь, что «привезут то, шо надо, и по госцене», и тебе лично донесли об этом по большому благу. Так это же совсем другое дело, это ж какое нужно иметь везение и счастье, все равно как в личной жизни отловить хорошего мужа или не сварливую жену (в Одессе редко такую сыщешь, все остры на язычок). И на Привозе все равно дешевле не будет, так только кажется. Сдерут на пару копеек меньше, но, сволочи, на весе ведь обманут. Где они только ведра такие берут? Мы с бабушкой раньше ездили туда со своим нормальным и, когда пересыпали фрукту, так по кромке нашего ведра еще пару кило не хватало. Привоз такое дело: кто кого обдурит.

Сестра моя уже с утра была на стреме, ждала моего сообщения. Ее постоянно теребили: Ольга еще не звонила, что так долго? Я знала, что, когда звонок раздастся, ее отдел ми-

гом сорвется с места, побросав свои дела. Игру тут же подхватит целиком и весь СУ-51. Каждый из сотрудников имел еще ту мишпуху из родственников, те еще кого-нибудь информировали. Словом, когда прибывала машина, у дверей магазина уже скапливалась толкучка из знакомых и друзей. Считай, стихийный клуб избранных по абрикосам открыт. На одно это представление можно сходить, и денег за удовольствие не надо платить, не то, что на концерт Аркадия Райкина.

Если бы Алка еще старалась для себя. Сама она во всем этом фруктово-овощном спектакле не участвовала, не за чем, раз есть я. Все ради коллектива. Он дружно «сбегал на фронт», а она оставалась за сторожа, торчала на телефоне у кабинета начальника – не пропустить какой-то важный звонок, их стройуправление было известно по всему городу и области. Зато вечером ей, бедняжке, доставалось. Нам, базовским сотрудникам, всем, кто заказал, развезли абрикосы по домам. И Алка возилась с ними до полуночи, очищая от косточек под варенье, делала заготовку для бабушки, которая вечно ворчала: где сахару столько наберешь. Я вызывалась помочь ей, но сестра была великодушна: отдыхай, намалялась за целый день, и потом вдруг неожиданно:

– А что, Олька, может, сгоняем завтра в Аркадию, как все нормальные люди, искупаемся, погуляем?

Народу в Аркадии, как всегда, была тьма, даже поздним вечером. Мы прошли по берегу почти до Девятой стан-

ции, подальше от толпы. Немного поплавали, вода была еще очень теплой, не успела остыть, но довольно грязной. Это особенно чувствовалось, когдаходишь и выходишь из нее. Будь чуть светлее, войти в такое море мы бы не решились. Дома, обмываясь, вычерпали всю воду из ванной, которую бабка собрала до нашего прихода. Бабка шипела, что на утро не оставили ни капли, даже уборную нечем слить. Целый день она караулила, когда дадут воду, а та только в пятом часу пошла, да такая желтая, просто жуть. Чистой так и не дождалась, а этой лишь на полванны и хватило. Я сдуру пропела бедной бабушке омерзительный куплетик:

Если в кране нет воды —
значит, выпили жида.

Евреи, евреи, кругом одни евреи!

– Где ты, Олька, всего этого нахваталась? У шпаны на своей базе? Некому ремня тебе всыпать, вот придет Ленька, попрошу его, – я чувствовала, как рассердилась бабушка, сама была не рада, с чего это вдруг меня понесло. Стыдно будет перед мамой, Леней, Жанной, если она им расскажет. Алку, видела, тоже передернуло.

Я нервно схватила сумку, вытащила пачку болгарских сигарет, которыми меня угостили весовщики, и, не проронив ни слова, вышла на балкон. Присоседилась к сестрице, переживая размолвку с бабкой, которую обожала и молилась на нее. Как она, старенькая, больная, сторбленная непростой

жизнью, держит наш дом? Вместе с Алкой наслаждались наконец наступившей прохладой; сестра рассказывала, что абрикосы привезли в магазин не ахти. Все, правда, набрали, но они переспелые и годятся только на джем, а чтобы были твердые дольки (одесситы любят такие), нужны зеленоватые, недозревшие абрикосы. У Фаинки из ее отдела дети пережрали немытые и обдристались, она из-за этого на работу даже не вышла.

– У твоей Фаинки дети вечно дрищат, от всего, то от черешен, то от вишен, пусть грушу жрут, она крепит, – выпалила я. Настроение у меня вконец испортилось, я устала, да и мне порядком надоело это дело. Сделаешь людям одолжение, а они еще и недовольны. Так идите же на базар, выбирайте, что вам подходит. Себе каждый раз даю зарок не связываться, но Алка так жалостливо просит за своих. А этих своих пол-Одессы набирается. Потом выслушивай, у кого кто от чего обкакался. Грязнули. Мойте чаще руки и на фрукту воды не жалейте, не будет поноса, в крайнем случае расстройством желудка от пережора обойдетесь.

– Ал, тащи лучше сюда бабкин пирог с абрикосами, молоком запьем.

Тут же на балконе нарисовывается бабка.

– Вы что, идиотки, молоко с абрикосами, вас же прихватит, до туалета не добежите, всю квартиру обвоняете. Я сейчас чай поставлю.

Она своими мелкими старческими шажками засемила

на кухню и вскоре вернулась с кипящим чайником.

– Ты, Ольга, на работе не балуй, не хватай все подряд от жадности, дизентерию можно подхватить на раз, – Алку бабка почему-то проигнорировала со своими советами, мне своей седой головой в живот вперлась, – Ленька днем заезжал, опять предупредил, чтобы не рыпались на пляж. Так разве вы слушаете кого? Он еще на той неделе говорил, так мимо ваших ушей проскочило, почаще их прочищайте. На Пересыпи снова канализацию прорвало, все говно в Лузановку пошло и в порт, небось. Не приведи господи, так и холера может вспыхнуть. Мало было в прошлый раз.

– Бабка, ну какая холера? – воскликнула с удивлением Алка. – Вспомнила, что при царе горохе было!

– Не умничайте, – бабка не отступала, видно, за целый день одиночества, из-за того, что не с кем парой слов перекинуться, она всегда устраивалась в дверях балкона, чтобы вставить свои пять копеек. – Из-за этой Пересыпи мы уже столько натерпелись. Вам все хиханьки-хаханьки, а я не шучу. Холера любит Одессу, частит, зараза, к нам.

– Баб, ну и когда это было? При чуме в прошлом веке.

– Здрости, я ваша тетя. Много вы знаете. С чего это вдруг у нас в 1908 году бактериологическая станция появилась? Неспроста. Нигде в России не было, а у нас открыли. Прямо напротив больницы Херсонской и нашей Коганки. Холеру надуло нам тогда, шторм похлеще, чем на море, сколько народу унесла, страшное дело.

Алка снисходительно похлопала ее по спине, пыталась успокоить, но бабка не унималась:

– А в десятом вообще был большой год холеры, между прочим, опять на Пересыпи, и в восемнадцатом, и в двадцать втором, и в двадцать шестом. А вам все смешно, делаете из меня чокнутую.

– Бабка, а ты, оказывается, специалист по холере, все помнишь.

– Дуры вы, девки, холера – это смерть, страшная, мучительная и беспощадная.

– Ну, хорошо, – не унималась Алка, – а почему именно на Пересыпи?

– Так она ниже уровня моря. Канализации нет, по Балтовской по канаве все дерьмо стекает. И водопровода там в домах нет, где прорвет, там и рванет холера. А ты как думала? Да еще при такой жаре.

– Мы ничего не думаем, летом часто срачка на людей нападает. Подумаешь!

– Чему вас только в институтах учат? Все вам – подумаешь!

Бурча, бабка уплентухалась с балкона. Мы с Алкой продолжали обсуждать ее тревоги. Какая сейчас холера, кому она грозит, когда есть антибиотики. Каждый год одно и то же: как только созревают абрикосы, так одесситы хватаются за животы. Любителей собирать их и дичку жардель с земли хватает, халява-то какая, трясут за ствол дерево, плоды па-

дают, лопаются, здесь же прокисают. Пару часов на жаре – и «абрикосовый» понос обеспечен.

Из всего, что растет в Одессе, я лично больше всего люблю этот фрукт. Как только мы переехали с Коганки на Фонтан, эти большие деревья, облепленные нежным бледно-розовым цветом, меня просто очаровали. Почти на каждом участке фонтанских дач они были высажены, а то и прямо на улицах вдоль дорог. А какая красота, когда в апреле их ветви распускают разом свою пышную крону и она повисает такими яркими бело-розовыми парашютами над землей. Потрясающий запах свежести, особенно вечером. Разве такое где-нибудь в центре города увидишь?

В моем новом дворе сохранились четыре старых дерева. Мы детьми блаженствовали, катаясь под ними на качелях, играя в пинг-понг или просто бесясь от нечего делать. Когда начинали появляться совсем малюсенькие зеленые-презеленые абрикоски, мы уже снимали первую пробу. Как нас взрослые ни ругали, но мы, морщась от дикой кислоты на зубах, все равно их грызли. Терпение лопалось в ожидании, когда плоды окончательно созреют и нам разрешат собирать уже собственный урожай. Урожай соседних дач вечерами втихаря почти весь попробовали, и не только абрикосок, а и черешен, вишен, всего, что по срокам созревало.

А свой охраняли. Когда же наша дворничиха тетя Люба давала команду «пора!», мы тащили из дома газеты, лазали по деревьям, обрывая те плоды, которые можно достать ру-

ками, а остальные приходилось трусить или сбивать длинными палками, которыми подпирали веревки с сохнувшим во дворах бельем. Все, что собрали, поровну делили между всеми сорока квартирами нашего сорок пятого дома. Себе оставляли самые спелые, которые уже не донести. Мыли под краном и уплетали в качестве премиальных. Счастливое детство.

– Что улыбаешься? Хватит курить, – Алка вывела меня из моих приятных воспоминаний, возвращая в действительность.

– Зараз, – я вдруг перешла на украинский. – Кстати, Ал, погляди, наливка уже сыграла, скажи бабке, чтобы новую поставила. Эту я завтра на работу отнесу, у нас сабантуй намечается. Только ничего не говори ей, а то разорется.

Сабантуй, однако, отменили. К обеду шмон прошел по базе. Было приказано немедленно вывезти все отходы, да обязательно в бочках. Не дай бог пролить по дороге. Каждый год одно и то же, все привыкли, поэтому никто особого внимания на директорское указание не обратил. Вечером к нам прибежала дядьки Лени жена Жанночка. Такой растерянной я ее еще никогда не видела. Ее буквально колотило. Оказывается, ее подружку тетю Фросю, санитарку в инфекционной больнице на Херсонской, после ночного дежурства утром не отпустили со смены. Никого с территории не выпускали. Больницу оцепили солдаты внутренних войск. Никто ничего не понимал. Говорили из-за деда, что ли, того,

что несколько дней назад помер. Так ведь дряхлый совсем. Дизентерия у него была? Чему удивляться, летом да еще в жару обычное явление. В эту пору всегда полно дизентерийных, особенно ребятни, но все они изолированы.

Но накануне вечером пришел стариковский анализ, который потряс всех. Вовсе не от дизентерии улетел он в небеса на встречу с богом, а от холеры, в его кале нашли ее вибрион. Откуда она, сучка, объявилась? Когда мы жили на Коганке, окна нашей кухни выходили к сараям, а те, в свою очередь, служили забором с детским отделением инфекционки. Сколько нас, детей, ни ругали, ни лупили, но, как только мы вырывались на свободу, ноги сами несли нас туда, поглазеть на маленьких пациентов, которые, словно мухи, облепляли большие окна, уткнувшись в стекло носами. Мы кричали им, бесились, прыгали, чтобы как-то подбодрить, а они печально наблюдали за нами, без всяких эмоций. Я туда еще ходила со своей подругой-одноклассницей, она жила в больничном подвале вместе с мамой, медсестрой, кроме них там еще жили несколько семей.

– Жанна, что случилось? Ленька опять набедокурил? – встревоженно спросила бабка, опасаясь, что в ответ услышит об очередном сыновьем фокусе.

– Фрося записку передала, так и так, из больницы не отпускают, ничего не объясняют, чтобы я срочно ехала к ней домой. Она поставила на ночь опару для самогонки, полную выварку, да поближе к окну, чтобы та как следует заиграла

на солнце.

Жанночка, вся красная, потная, перепуганная, жадными глотками пила кипяченую воду, которую ей принесла бабка, приговаривая, чтобы успокоилась, и продолжала:

– Что там делалось, ужас! Вся эта квашня поползла по квартире, через марлю на окне поперло. Вот это номер, чтоб я помер. Засрало всю кухню, стены в коридоре. Она на пятом живет, под самой крышей, так даже на парадной воняет. Еле все отмыла. Окна оставила открытыми, чтобы проветрилось, хоть бы соседи не настучали про самогонку. Затаскают же.

Жанна оставила ключи и попросила, чтобы я, как вернусь с работы, сбегала к Фросе на квартиру и посмотрела, что к чему, поскольку неизвестно, когда она вернется. Уже на выходе, когда бабка закрывала за ней дверь, Жанна встрепенулась:

– Ой, ну и дура я, чуть не забыла. Ночью всю милицию по тревоге подняли, Ленька даже форму нацепил по приказу, машину за ним послали, но он не стал дожидаться, бегом рванул. Успел шепнуть лишь, чтобы Анька побольше хлорки со станции притащила и фрукты, будь они неладные, перестали жрать. Что случилось?

– Неужто холера? – пыталась догадаться бабка. – Из-за обычной срачки милицию не поднимут. Надо же, я только вчера, не помню уже почему, об этой заразе девкам рассказывала. А, вспомнила, сколько эпидемий разных в Одессе было, холера – самая страшная. Они в смех, что я с ума спя-

тила, в наше время какая эпидемия. Им все шуточки. Ладно, иди, Ольге я скажу, забежит к Фроське, потом к вам, может, что нового узнаете.

Я еще не успела переступить порог, как бабка оглушила меня всеми этими новостями. Я схватила ключи и помчалась к Фросе, на ходу глотая бутерброд с сыром, который сунула мне заботливая и любимая моя старушенция. Слава богу, все тихо, соседского шума не слышно, запах еще окончательно не выветривался, но окно на всякий случай захлопнула, все-таки ночь приближалась, а воров в Одессе еще не всех переловили. Пусть даже квартира на пятом этаже, они умудряются с крыши проникать, Леня сколько историй рассказывает, Толстому хватило бы еще на несколько книг.

Жанна огорошила меня не меньше, чем бабка. Ленька на минутку в обед заехал, чтобы наскоро помыться и переодеть белье. Их медики тщательно проверяли, все отделение, прямо через задницу. Кушать не стал, некогда, опять помчался. Сказал лишь, что тот дед, что скончался в Херсонской, был сторожем полей орошения в совхозе. Как он умудрился подцепить холеру? Теперь в больнице такое делается. Оцеплена вся, а не только инфекционный корпус. Весь персонал одели в противочумные комбинезоны.

– Больше ничего не сказал, никто ничего не знает, – от волнения Жанна уронила на пол чашку, и она разлетелась на осколки по всей кухне. – Достается же бедной Фроське, только мужа схоронила, на работу эту чертову устроилась.

Позарилась на повышенную ставку, пенсию надо же заработать – и попала.

Жанна о Фроське, а мне стало буквально дурно. Машина с абрикосами, из-за которых на Фаинкиных детей напала дресня, была как раз из этого совхоза.

По городу мгновенно разнеслись слухи, больше всего боялись паники. Больные стали поступать из разных районов. Холерный вибрион обнаружили в морской воде в Лузановке. Отдыхающие рванули на вокзалы, в аэропорт. Старожилы вспоминают, так было осенью сорок первого: люди штурмовали поезда, отдавали все деньги, лишь бы вырваться из приговоренного города.

Утром нас всех собрали у директора на совещание по поводу возникших кишечных заболеваний ОКЗ и мерах по недопустимости умалчивания первых признаков: тошноты, рвоты, жидкого стула и температуры. В конторе обвязали все ручки дверей бинтами, каждые два часа их смачивали жидким раствором хлорки. В туалетах вывесили железные умывальники с этой жутко пахнущей густой белой массой. От вони кружилась голова. Никто не ел свежие фрукты и овощи – все варили.

Еще несколько дней наша продукция поступала свободно, потом начались перебои, но кормить людей надо было. Сомкнутое кольцо военных отделило Одессу от области. Заработали перевалочные пункты, где товар, предназначенный для города, перегружался с областных машин на наши, ба-

зовские. Работу эту выполняли солдаты, мы лишь откомандировали им в помощь своих товароведов, молоденьких девчонок. В отделе кадров командировочные удостоверения им не выписывали, пока они не пройдут анализ на эмбриононосительство. Удовольствие не из приятных, мы в отделе уже испытали его. Девчонки, в основном все из общаги, бледные, толкались в коридоре, как приговоренные. Кадровик их подбадривал:

– Не дрейфьте, девчата, там же столько кавалеров и женихов будет у вас, целая армия! Повезет – за офицера замуж выскочите. Плохо, что ли – лейтенантская жена, а еще лучше – капитанская.

Нам в отдел принесли ящик «Ркацители», чтобы в обеденный перерыв выпивали по стакану для профилактики. Но это радости нам не прибавило. Почему-то все стали очень тихо разговаривать, так ведут себя обычно люди, когда в доме покойник. Тишину нарушил звонкий голос директорской секретарши:

– Девки, все, полный п...ц! Директору позвонили: над Одессой желтый флаг! Жесткие цены на всю жратву, даже на рынках. У вас что, вино? Так что ж вы сидите – наливайте! Алкаши говорят: пейте, как мы, и вас никакая холера не возьмет.

– Видно, тот совхозный сторож был примерным работником, ударником соцтруда и спиртное не употреблял, – Лилия Иосифовна ухмыльнулась и посмотрела на секретаршу

поверх очков.

Никто не среагировал на ее тонкую шутку. Опрокинули, сморщившись от кислоты, по стакану «Ркацители» и разошлись по столам, уткнувшись снова в свои проклятые таблицы и сводки, которые сейчас мало кого волновали. Волнение было одно: как бы не заразиться.

Одесситы бегали смотреть на этот страшный флаг. В газеты поначалу просачивались крохи информации, но больше все же между собой, ухо в ухо: холера, карантин. Все пионерские лагеря, дома отдыха, санатории, даже поезда использовали под обсервационные пункты. Суда Черноморского пароходства, которых эпидемия захватила в одесском порту, красовались на рейде под желтыми флагами. Нам удлиннили рабочий день еще на три часа, дотемна, впору было домой вообще не возвращаться. Каждый день мы раздвигали руками ягодицы, становясь для дежуривших на базе медиков в позу подобно букве «г». Хохмочки и анекдоты вызывали минутную улыбочку, но не более того. Юморной Одессе было не до смеха. Пробы брали сначала по пятьдесят человек в одну пробирку. Если вдруг в ней находили вибрион, который называли «Эль тор серотин Огава», то анализ немедленно повторялся, только на этот раз круг сдающих в одну пробирку сужался до десяти человек. В общем, проверяли, пока не обнаружат предполагаемого «виновника торжества», которого под конвоем уводили на дальнейшее тщательное обследование в провизорский изолятор или специальные госпитали.

Несчастье, кто был с этим человеком в контакте.

Лемешко, нашего начальника отдела кадров, нельзя было назвать трезвенником, принять на грудь он любил, не стеснялся для бодрости духа и подъема настроения с утра, особенно если угощали хорошим дорогим коньячком, молдавскому предпочитал почему-то даже не армянский, а азербайджанский. В тумбочке у него всегда хранился лимон, который он нарезал тонкими слоями и посыпал сверху не сахаром, а шоколадной крошкой – имелся у человека такой бзик. Но сейчас он был трезв, как стеклышко, и боязнь охватывала: а вдруг он вызовет к себе, значит, что-то нашли, иначе зачем вызывает. Все лихорадочно перебирали в памяти: что ели-пили за последние дни. Раньше охотно делились, кто что вкусненькое дома сготовил – синенькие, перец фаршированный или сотэ, а теперь молчок. Расстройство желудка, если оно есть, не скрыть, но в этом никому не признавались, втихаря заглывали фталазол или тетрациклин.

Холерные новости приходили одна другой хлеще. Кого слушать, кому верить, не знал никто. Положительное тоже имело место быть. Это почти пустые трамваи и троллейбусы, чистенькие, вымытые, с обмотанными марлей и пропитанными хлоркой поручнями. Идеально подметенные улицы и чуть ли не вылизанные парадные, строгость с вывозом мусора. Запрещалось сваливать его и прочий хлам во дворах. Мусорные машины заезжали туда каждый день и, звеня колокольчиком, ждали, пока жильцы все не соберут, ничего не

оставят. В магазинах без очередей, на рынках сносные цены. Такого рая Одесса давно не видела.

Народ дружно мылся, стирался, гладился, будто собирался на праздничный бал. Стало даже не до амурных свиданий, а уж чем-чем, а этим Одесса всегда славилась. Столько женского добра летом прибывало, пойдя удержишься, когда обласканная солнцем и разогретая вином мужская душа нараспашку, требует тела, а оно само прямо в руки плывет. Зов природы, на юге он еще мощнее, против него не попрешь. Но сейчас полный атас. Всех заключить в обсервацию.

– Слышали, всю стерлядь выловили, в сетях теперь дрыгается. Шо, не поняли? Стерлядь – это женщина с тяжелым характером, но легкого поведения, – пробовал рассмешить народ в курилке карщик с первого склада, но его тут же одернули.

Швицер недоделанный, он смазливой уборщице с их склада чуть инфаркт не пристроил. Она неделю как своего ухажера в Ялту по путевке проводила, так этот карщик, босяк безмозглый, от его имени шлет ей телеграмму, не поленился, гаденыш, на почту сбегать, что-то вроде: дорогая, у меня все хорошо, не волнуйся, ты самая лучшая, не устаю убеждаться в этом. С девчонкой истерика, молодая, неопытная, ей бы на адресок посмотреть, откуда отправлено, а она все за чистую монету приняла, виды же на парня имела. Еле успокоили, если бы не бригадир, ребята грузчики этому шутнику гребаному морду подправили бы точно.

Моя бабушка бубнила подружкам, что в Лузановке фекалии как сбрасывались неочищенными, так и продолжают сбрасываться.

– Я Аньке своей сколько раз говорила: зачем туда детей тащишь? Без толку, не слушались. Я им про зашашок в Аркадии или на Десятой станции, высидеть на пляже невозможно, как купаться, говно же в море, канализация никуда не годится. Они мне: да будет тебе. Вот тебе и будет. Уже есть, холера проклятая, избавься от нее теперь.

Одесситы все это знали, но плевать хотели – и доплевались. А приезжие, те совсем ку-ку, умудрялись даже детей на пляжах умыть из ливнеотводов, что вытекали из-под обрывов на Фон-танских пляжах, водичка вроде чистенькая текла и не соленая. Мы сами, что уж тут говорить, уходя с пляжа, мыли там ноги от песка, чтобы надеть босоножки.

Подфартило больше всего нашему пятому складу, торгующему вином. Вина Одесса получала выше крыши. Рекомендовали употреблять сухое, для повышения кислотности в желудках. Даже детям понемножку давали, как лекарство. Самыми ходовыми были «Ркацители» и «Рислинг», которые, коверкая, одесситы называли «Рыгацители» и «Дрислинг». Меня отправили на пятый винный склад пронормировать процесс погрузки и выгрузки бочек со складского подвала. Грузчики подняли бунт: работы много, а заработок с гулькин нос. Сам заведующий по прозвищу «полтора жида» из-за необъятных своих размеров встретил меня у входа вме-

сте с бастующей бригадой. Про него судачили, что он сидит на двух диетах, одной не наедается. И еще подтрунивали: не выносимых людей нет, есть узкие двери. Дверь в склад действительно была узковата, как он из нее при такой комплекции протискивается.

Мы спустились вниз и стали ждать прихода машины с товаром. Машина с вином пришла, ее, не разгружая, отправили прямо в сеть. «Гора человек» (это прозвище тоже к завскладом приклеилось) усталился на меня: может, выпьем, а то на сухое горло разговор не клеится, ничего не придумаем. Я чуть не обалдела; они палец о палец не ударили, а денег требуют, мало им платят, премией своей ежемесячной недовольны. А премия у них всегда, какой план сверху ни спустят – все выполняется. Вино в Одессе завсегда уважали. Разное, только давай. Я бормотала куплетик из «Гусарской баллады»: «Пусть льется вино, я пью, все мне мало. Уж пьяною стала, уж пьяная стала...»

Машина, которая ушла в сеть, вернулась через два часа и стала под погрузку. Двое грузчиков, упираясь, по приставленной доске ловко спускали пятидесятилитровые бочки с третьего яруса подвала, потом со второго, а затем вручную катили их к подъемнику. Мне, по-честному, было даже страшно смотреть, как парни мордовались. А они, матерясь, еще и подмигивали мне: мол, нравится тебе наша работа? Наверху бочки снимали с подъемника и через боковой борт аккуратно закидывали в кузов машины.

Мне не нравилось. По госрасценкам такой тяжеленный труд тянул всего на пятьдесят копеек за тонну. То да се, нетто, брутто. Работяги пристально уставились на меня с немым вопросом: ну, что? Сказать, что они заработали всего пятнадцать копеек за три погруженные бочки, я не решилась. Расценки действительно дикие, они были установлены не иначе как для Гераклов или бесправных негров-рабов в Америке.

У меня был такой несчастный вид, что парни только махнули рукой и пошли грузить дальше бочки. Я видела, как, спрятавшись за ними, они дернули по стакану сухаря. Заведующий кивнул мне головой.

– Олечка, это их премиальная, и я не могу лишить ребят ее. Знаю, если спяну с ними что-то случится, пойду под суд, – «гора человек» сидел печальный. – Вы думаете, здесь большие барыши, мы химичим? Не верьте. Ничего мы не разводим водой, даже бочки не вскрываем. Если в них дерьмо, а не вино, то это на месте в винсовхозах без нас постарались, а в магазине еще добавляют.

Он подошел к рабочим, похлопал их по плечу: аккуратнее, хлопцы, умоляю вас. Вернулся, придвинул мне стул, сам присел рядом на какую-то тумбу, я даже испугалась, вдруг она под ним треснет.

– Давайте я вас угощу настоящим вином. Для здоровья положено и домой возьмите бутылочку, своих угостите. И вот что: вы ближе к начальству, нужно расценку хоть до рубчика

довести, решите там этот вопрос, я уже сил не имею воевать.

Подошли грузчики и уставились на меня такими преданными собачьими глазами. Протянули свои пустые стаканы заведующему, он налил им доверху. Вчетвером мы чокнулись.

– Закусить нечем, – возмутился один, – где эта манда пергидрольная? С утра на базар умотала за жратвой и до сих пор нету. От б. дь, извините, Ёсиповна. Может, ее холера по дороге прихватила.

Мне стало смешно, выходит правда, у всех на базе есть клички, и мне на «Мегеру» нечего обижаться. Могли, конечно, что-нибудь оригинальнее выдумать. Но пусть будет так.

– Леха, давай для Ёсиповны спляшем. Девушка она симпатичная, не чурается нас, работяг.

Обнявшись, грузчики отплясали под стишок, звучащий на каждом углу в Одессе:

В нашу атомную эру
К нам забросили холеру.
И теперь стоит вопрос:
Где холера, где понос?

– Так мы поехали. А вы, Ёсиповна, не спешите, выпейте с нашим заведующим еще по бокалу. Он мужик хороший, добрый. Мы бы тоже остались, но кто без нас в магазине эти бочки выгрузит?

«Гора человек» долго смотрел им вслед и молчал, словно

собираясь с мыслями.

– А знаете, Оленька, парни ведь не неучи какие-нибудь. Оба с высшим образованием, мастера спорта, один, кажется, по легкой атлетике, а другой – гандболист. Спорт закончился, и никому они стали не нужны. Вот и ломаются здесь в подвале. Это ж надо иметь сноровку и силу удержать бочку. Спины трещат. А что делать, жить-то на что-то надо. Еще и алименты с них удерживают. Боюсь только, чтобы хлопцы не спились. Народ разный. Похлопочите за нас, очень прошу. Если эти уйдут, с кем работать буду?

Он снова начал меня уговаривать взять вина хорошего, не только для себя, а для всего отдела, никто знать не будет, а его водитель, свой в доску пацан, подбросит меня домой. Потом начал рассказывать, как сам видел людей, бежавших посмотреть на тот желтый флаг. Никто ж не верил, пока не убедились.

– То ж приговор городу подписали, – тяжело вздохнул «человек гора», – неужели все здесь и останемся, как в чуму. Они же ничего нам не говорят, власть сраная, сукины дети. А ты корячься на них, то грузинского вина подкинь, то еще какого. Горе вокруг, а они веселятся. Мне жена врача с Вальховского морга сказала, что все трупами забито. Знаете где это?

– Знаю, я на Херсонской в третьем номере раньше жила и всю территорию больницы знаю, как свои пять пальцев.

– А в газетах ничего ж нет. Одни рапорты, как достойно

встречают сто лет вечного живого Владимира Ильича. И это же надо, Одесса так подосрала. Ну, вы скажите, или я ничего не понимаю. Все знают, шо нужно шото делать с той канализацией, наконец. Город все равно, извините, какать будет, а куда? Уже и море все засрало, плывешь, а говно к рукам прилипает. Этим-то наверху шо, испугались не на шутку, всех своих родственников разом повывозили. А простой народ, значит, кинули, подыхай простой народ от холеры. Мне товарищ японский транзистор подарил, «Голос Америки» по нему ловлю. Так сейчас глушат, суки, я извиняюсь, ничего не слышно, даже музыки. Видать, приговорили целый город. Шо будет? Мы хоть пожили, детей жалко. И еще этих приезжих, им-то за шо такая беда на голову свалилась. За их же гроши. А ты попробуй их в шахте на Севере заработать.

– Что вы так? Обойдется. Бабуля моя несколько раз пережила холеру. В гражданскую войну лечиться вообще нечем было. Спаслись же. И мы выживем, коммунизм построим. Светлое будущее нас ждет.

– Ой, Оленька, не иронизируйте, я раньше тоже во все эти сказки про коммунизм, светлое будущее верил. Чушь собачья все это. Может, у них, кто крысами с корабля сбежал, и рай, а у нас вот этот ад, спасайся кто как может.

В конце подвала что-то гроыхнуло. Заведующий вздрогнул, натужно привстал с тумбы, громко откашлялся, сплюнул и медленно засеменял куда-то в темноту.

– Оленька, идите, полюбуйтесь. Красавица объявилась,

поддателя, сучка. Ну, вот скажите, чего ей не хватает? Хочешь выпить – выпей в обед, я не возражаю, пожри, как человек. Так нет, где-то на стороне нализалась, а ребята так голодными и уехали. Давно бы выгнал, из жалости держу. Каждый раз – прости, больше не буду. Пока не выпьет, нормальная, добрая, а как нажрется... От лярва паршивая. У нас, когда я служил, старшина говорил: терпение – сильное оружие, но иногда жалею, что оно не стреляет.

– Я могу представить, как вы его доводили, если он такое говорил.

– И еще не такое. На полигоне он подначивал нас: стрелять нужно, старательно целясь, случайно в цель попадают лишь одни сперматозоиды. Но вам это в ближайшие пару лет не грозит. В увольнительную каждому на это место замок лично повешу. Ключ только у меня, отопру, когда вернетесь, иначе горя с вами не оберешься. Находились дураки – верили...

Пьяная рабочая присела на ступеньку, сопя и бурча себе под нос.

– Все равно все сдохнут, всех холера заберет. Лучше я от пьянки сдохну, чем вы от срачки зальетесь. Я не бурду твою пила, а водочки московской хлобыстнула, в компании, тебе не честь...

Пора было уходить, и так засиделась, в отделе меня уже заждались. Заведующий повел меня какими-то закоулками, лабиринтами между штабелями бочек. Темно, сыро, спер-

тый, пропитанный винными парами воздух, запах кислоты. Под ногами железобетонные плиты, отполированные за целый век, а то и больше, а сверху своды из кирпича, тоже заморенного временем и копотью. Как можно в этой темноте ориентироваться. Я шла за ним, как овца на заклание, безропотно и понуро. Вдруг меня тревожно осенило: а если он меня бросит здесь, я вовек дорогу одна не найду. Сколько раз мы огибали очередную колонну, подпиравшую свод, сворачивали то влево, то вправо. Тревога не рассеивалась: куда тащимся, выходом никак не пахло, вот влипла, так влипла. Наконец подул приятный ветерок, вроде как с улицы, и высветилась тонкая струя света из круглого, за решеткой, отверстия почти под потолком. Однако по-прежнему ничего кроме бочек все равно я не различала. Спина «горы человека» еще раз мелькнула передо мной и внезапно вовсе исчезла. От страха я вросла в пол, застыла как вкопанная, не в силах больше сдвинуться с места.

– Ольга Ёсиповна, сюда, чуть левее.

Что делать? Что он от меня хочет? Сколько гадостей о нем все рассказывали, вот и я, дура, влипла в идиотскую ситуацию. Делать хронометраж рабочего времени пошла. Ничего себе хронометраж получается. Если что, мне даже нечем его треснуть. Я отступила назад и наткнулась на бочку. Отпрянула, повернула голову влево, как он сказал, и увидела вроде бы дверь, свет сквозь темень пробивался как раз из ее проема.

– Ольга Ёсиповна, Олечка, смелее. Увидите сейчас мои сокровища, – голос, как мне показалось, звучал оттуда.

Еще шаг, и я оказалась в комнате, больше напоминавшей подсобку. Все ее стены были обклеены старыми театральными афишами, фотографиями, газетами, вырезками из журналов. Полочки ломились от каких-то пожелтевших бумаг, старых книг, рисунков. По углам стояли мешки с набитыми в них старинными чайниками, самоварами, иконами. На стенах висело несколько часов. Все это в пыли и дымке, от всего исходил неприятный затхлый запах.

– Олечка, я это никому не показываю, но вам решил. Смотрите сюда.

Он открыл узорчатый шкафчик, набитый старыми театральными костюмами: юбки, платья и просто хлам, который давно нужно было бы выбросить на помойку.

– У, тварь подлая, попалась, наконец, – в здоровенной мышеловке едва поместилась огромная крыса с оскалившейся пастью. – У меня узкий профиль собирательства, лишь то, что связано с опереттой. Я в молодости мечтал только о театре. «Сильва», «Летучая мышь», «Баядера»... Как я обожаю эту божественную музыку! Кроме нее для меня ничего не существовало в мире, думал, что когда-нибудь тоже выйду на сцену. Голос был, пел с детства и двигался неплохо. Не верите, смущает мой нынешний вид? Но ведь я не всегда тянул на «полтора жида», как меня обзывают. Тонюсенский был, стройный. Но вот заболел – и все разом рухнуло. До сих

пор раз в неделю обязательно хожу в нашу музкомедию. Что бы там ни шло – всем наслаждаюсь.

«Гора человек» вдруг отошел к стенке и так умело сделал пируэт всей своей массой тела и гикнул, что я не выдержала, заплодировала.

– Это еще не все, у меня на даче и в квартире столько всего. Вы бы видели, какие вещи. Все время боюсь, что украдут. Да не столько заберут, воровское быдло вряд ли это заинтересует, а просто попортят. Ценные же вещи. Я поддерживаю, насколько могу, молодых артисток. Моя мама, царствие ей небесное, танцевала когда-то в кордебалете. Тогда тоже было не сладко, если не в солистках, но все же не так, как сейчас. Эти девчонки копейки получают. Одеться надо, покушать, многие без жилья, приезжие.

«Не сочиняет ли дядя? Наслышана про вашу жалость, – про себя подумала я. – А может, и правда, что помогает, и разные сплетни про молодок и прочее от злости и зависти? На базе все друг о друге сплетничают, только дай повод».

– А вы как относитесь к театру?

– Я тоже в детстве мечтала о нем, даже в училище наше после седьмого класса хотела поступать, но не сложилось.

– Что так? По вашей внешности так вам там самое место. Честно.

– Родители были категорически против. Хотя музыке учили, и читала много, а кино вообще до сих пор обожаю, ни одного фильма не пропускаю. Меня дома даже в шутку назы-

вали «шум за сценой». Когда я шла утром в институт, по дороге было сразу три кинотеатра. Я сама не могла объяснить, как оказывалась в зале. Бросить все, свой нархоз характера не хватило, скорее, упрямства хватило бы, но вот маму жалко было и бабушку.

– А вы и сейчас послушны. Боялись за мной идти, не так ли, а пошли. Я прав? – его большое круглое лицо озарила приятная улыбка.

– Да! – выпалила я и рассмеялась.

– Тогда обернитесь.

Я повернулась и увидела прямо напротив вход в подвал и спящую на ступеньках поддатую рабочую.

– Да я вас по кругу водил. Доверчивая вы. А напрасно! Никому в этой жизни доверять нельзя. Помогать можно, даже нужно, а вот доверять не рекомендую. А Лидочка на самом деле серьезно заболела? Зарплату нашу кто теперь вести будет? Может, вы нас возьмете? Хотя вряд ли на мой участок назначат. Удивительно, что вас вообще ко мне на склад прислали.

– Не беспокойтесь. Мы с Лилей Иосифовной вас не бросим. Она меня гоняет как сидорову козу, наряды даже домой беру, особенно по строительству. Сестра помогает, я бы сама не врубилась.

Темный лес, как эти ваши подвальные лабиринты, и непроходимые джунгли.

– Олечка Ёсиповна, это правда, что вас повесили, на

должность старшего экономиста перевели? Вы, выходит, теперь больше чем Карл Маркс, тот дальше простого экономиста не пошел.

Мы посмеялись, вспомнив известный анекдот. Вернулась машина из магазина, ребята привезли приличный кулек закуски, а еще ящик с овощами и фруктами, сбросили его и снова куда-то умчались, наверное, опять загрузятся и в следующий магазин. Рабочая продолжала дрыхнуть, неприглядно развалившись у входа, выставив на обозрение все свои прелести. Противно, пришлось делать вид, что я этого не вижу.

– Ну что, Оленька, отобедаем, не пропадать же добру. Нам с вами хватит, – он развернул кулек, привезенный грузчиками, и высыпал его содержимое на стол.

Мы с «горой человеком» отобедали очень даже прилично. Эх, знать бы, я бы тогда прихватила бабушкины биточки, они совсем не помешали бы. Собеседником он оказался и вежливым, и умным. Правда, помешанным на оперетте, но, как говорится, у каждого в голове свои тараканы. В туалет захотелось со страшной силой, но признаться было неловко. Я посмотрела в проем между тумбами письменного стола, там ничего не было. А ведь, гады, сплетничают, что у него там помойное ведро стоит и он жрет и дюрит в него одновременно. Какие все-таки люди злые, так и норовят навести напраслину на человека. Сволочь, этот диспетчер, это он распускает слухи и еще, что девочки безвозмездно убла-

жают любвеобильного кладовщика. От зависти, что ли, что у «полтора жида» сейхал работает, а у тебя пустота в башке. Мужик соображает, дела, говорите, проворачивает, так и вы попробуете, кто вам мешает, только чтобы без воровства, и не на воротах тогда дежурить будете и кнопки нажимать, а в начальственное кресло пересядете. Тут талант нужен, это ведь тоже своего рода искусство продержаться на такой работе столько лет и не прогореть, не спиться.

– Где у вас туалет, – приперло так, что я не выдержала, – какое-то чересчур мочегонное у вас вино. И очень терпкое.

– Что ж вы стесняетесь, давно спросили бы. Как подниметесь – будка в подворотне, за углом. Вот ключ, можете оставить его в замке, вы же не будете возвращаться или все-таки дождетесь машины?

Быстро схватила ключ и вылетела пулей, услышала лишь за спиной легкий смешок. Уборная была идеально чистой, как будто бы перед самым моим приходом ее выдраили, как палубу на пароходе. Уж точно хлорки не пожалели, насыпали от души. Пока я надышалась ею так, что в горле запершило и надолго закашлялась. Не угодишь нам: и без нее плохо, вонь, и с ней едкий, бьющий в нос запах, зато стерильно. Вспомнила, как в школе из-за этого противного амбре в классе невозможно было и пол-урока усидеть, к концу пятого или шестого голова вообще раскалывалась, а глаза краснели и постоянно слезились. И ладно бы хоть раз в месяц эта дезинфекция, так нет, со станции каждую неделю приезжа-

ли. Но сейчас что возражать, не время – холера, как утром по радио кратко оповестили, не унимается.

Я решила машину не ждать и пройтись немного. День перевалил за рабочий экватор. Пекло исчезло, спасибо легким облакам, прикрывшим солнце. И вдруг так захотелось летнего дождичка, подставить лицо под его мягкие струйки, и не припомнишь, когда последний раз он шел, кажется, в начале июня. А как он нужен, чтобы смести все следы этой жуткой напасти. За что, за какие грехи моей любимой Одессе холера, чем она провинилась? Она ведь добрая, гостеприимная, отзывчивая, потому и людей столько к нам едет. Тяжело, когда их много, а разъедутся к осени, в городе сразу скучно становится.

Но нам на базе круглый год не скучно, чересчур даже весело, только поспевай кормить такую махину. Вот и крутимся, как этот пятый склад. Я шла себе и представляла, сколько халлявщиков не совсем нежно обвивают могучую шею (вот уж точно бог не обидел) заведующего и душат своими непомерными даже не просьбами, а требованиями. Раздирают на части. А что стесняться, делега, вон какое пузо наел на дармовых харчах. Что же тем молоденьким актрисам остается, самая малость. Но все равно раздули. А какое кому дело, кроме собственной жены, как он с ними проводит время. Со мной он тоже пробовал кокетничать, но корректно.

– Где тебя черти носят? – раздраженно спросила Лилия Иосифовна, протирая свои огромные очки. – Признайся,

«человек гора» очаровал. Приятный дядька, и умный, не верь, что о нем бабы кудахчут, мужики тоже хороши, еще хуже этих баб. Оля, мне уходить надо, к хирургу записалась. Я тебе записку оставила, сводку перепроверь, завтра утром ее перешлем, и тоже можешь отчаливать. Нечего торчать до ночи.

Ну и состояние у меня было, когда я очутилась за воротами базы. Сторонила людей, мне казалось, что все чувствуют, как от меня истерически несет этой хлористой вонью. На остановке троллейбуса народ старался держаться подальше друг от друга и пристально окидывал взглядом окружающих. Я сама ловила себя на мысли, что непроизвольно оцениваю внешний вид, цвет лица, даже опрятность всех, кто приближался навстречу, и этой тетки, что шагала рядом. Людей на улице так мало, и это в самом центре, что уж говорить о «высерках», как называет бабка наш Фонтан. Коганка для нее не «высерка», а вот Фонтан – да. Ну, даешь, дорогая Пелагея Борисовна. А ведь как Лена Ковалева, соседка Тани Дробот с первого этажа, чудесно написала:

Моя Одесса – Шестая Фонтана,
Где тень кружевная платанов,
И легкий морской ветерок
С Аркадии студит висок.

Фросю так и не выпустили из Херсонской инфекционки, положение, видно, серьезное. Каждый вечер мы с Алкой вы-

нуждены ходить к ней домой, поливать цветы, квартира – Сахара, духота неимоверная от раскаленной за целый день крыши. Фросин муж, дядя Коля, как она ни старалась за ним ухаживать, умер еще в прошлом году, раны доконали. Она его из госпиталя после войны забрала вообще никакого, еле выходила. Лицо его было очень обезображено, изуродовано. Поражено, видно, было серьезно осколками, но он так мило, по доброму всегда улыбался, что не ответить на его улыбку было невозможно. Он слыл хорошим специалистом, в технике, все говорили, бог. И голова золотая, и руки. Когда ему нездоровилось, то начальство за ним даже машину домой присылало, лишь бы он присутствовал и контролировал производственный процесс. Что-то ответственное для оборонки выпускало их предприятие. У нас на базе тоже такие умельцы есть, не хуже Левши, если надо, блоху подкуют, и директор за ними прямо дрожит. Их «королями» у нас называют. Найти инженера раз плюнуть, а вот такого работягу, на все руки мастера – шиш два.

Сын дяди Коли и Фроси, Виктор, был старше меня на девять лет, он быстро женился, но недолго в мужьях ходил, разошлись, оставив жене ребенка. Мы с Алкой пытались его разыскать, но не смогли, потом узнали, что откомандировали с завода на борьбу с холерой, точнее на строительство дамбы на полях орошения, на задержание говна, чтобы оно не переливалось напрямик в лиман. Гром грянул, мужик и перекрестился, да поздновато. Холеру обнаружили уже и в Аст-

рахани, и в Батуми. Как по югу разгуляется, всем достанется.

Гулять по карантинному городу невесело, думы безрадостные одна за другой лезут в раскаленную башку. Дошла до Дерибасовской, угол Карла Маркса, там всегда толпились моряки возле входа в Управление «Антарктики», но сегодня ни одного человека. У редко встречающихся прохожих напряженные лица, такое впечатление, что ждут чего-то. Страх не скроешь, льется из глаз. Мне тоже страшно. Идти дальше по любимому маршруту студенческих лет – «малому кругу», а тем более «большому» – неохота. И сачковать надоело. Зачем я прикатила в центр, ах, да, на флаг поглазеть. Рвану-ка я на работу, никто ведь меня с винного склада не снимал, надо доделать свое нормирование. В подвале попрохладнее, все ждут возвращения машины со второго розничного комбината с пустыми бочками, их потом надо будет перебросить на перевалочные базы.

Наш главный бухгалтер Мизинер в полном отчаянье, только чешет свою лысую «репу» и плачется из-за больших накладных расходов. Они зашкаливают, ничего, все спишут, как всегда, на несчастную торговлю. Главбух называет ее «социалистической золушкой», она, мол, за все в ответе. Кадровик на его причитания, выпив водочки и запив ее вином и оттого бойкий от такого коктейля, парировал:

– Торговля тоже не промах, ничего не скажешь: хороша золушка, ворует себе у государства на хрустальные башмачки. Не ровен час, поранит о них свои нежные ножки.

Машина вернулась только к сумеркам, ее, не мешкая, тут же загрузили бочками с сухим вином и отправили в магазины. Там пустят в продажу на разлив, бери, сколько хочешь. Люди ждут, лучшего средства профилактики еще не придумали.

Только в середине сентября в Одессе был снят карантин. Наутро после отмены все местные вышли с радостной новостью на первых полосах. Над городом опять взвились красные флаги. Но ограничения остались. Выезд разрешался только по командировочным удостоверениям и справкам о прохождении осмотра на вибрионоительство. Но 7 октября и это отменили. А как же: нужно, чтобы жизнь начинала входить в прежнее русло с привычным главным девизом и призывом к товарищам встретить очередную годовщину Великого Октября новыми трудовыми подвигами. На столетие вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина с победами сплеховали, теперь необходимо наверстывать. От горкомов-райкомов ждут отчетов.

И они посыпались с трудовых вахт, покрывая пустыми и звонкими словесами убытки. У нас на базе они просто зашкаливали, особенно расходы по транспорту и списанной и уничтоженной таре. Черт с ним, слава богу, что так закончилось с холерой, выдули ее морские ветры из Одессы. Но отголоски ее в песне, кажется, Кости Беляева, которая так и называлась – «Холера». Особую популярность она обрела среди курортников, которые, несмотря ни на что, повреме-

нив год-другой, снова потянулись в Одессу. Одесситы, кто пережил это время, услышав ее, морщились. Во-первых, все неправда, во-вторых, одесситки ни при чем. Опять во всех грехах крайнюю нашли. Обидно, если не сказать, подло. Вот эта песня:

На Дерибасовской открылася холера,
Там заразилась одна бл. ь от кавалера.
И пусть теперь господь накажет эту бабу,
Что в подворотне отдавалася арабу.
Вот из-за этой неразборчивости женской
Холера прет уже по всей Преображенской.

...Фросю после долгого перерыва я увидела на дне рождения своего дяди Леонида Павловича. Собрались только самые близкие друзья и родственники. Стол, как всегда, был достойным, но без особого шика. Былое настроение еще не вернулось к одесситам, еще не оправились от пережитого. Фрося сильно изменилась, хотя и покрасила волосы и сделала перманент, очень похудела и постарела. Не радовала привычным активным темпераментом и заразительным смехом, сидела тихо, устало и даже отчужденно. О холере никто не заикался, Жанночка предупредила, чтобы вопросов лишних Фросе не задавали. Все и так понимали, каково ей, санитарке, пришлось, ухаживая за такими больными. Но, как ни странно, она из инфекционной больницы не уволилась, как другие. Правда, стала ходить в церковь, но при этом не

перестала гнать самогон. Делала она это блестяще, качество не подводило. И еще не один год, вплоть до ее смерти, собираясь семьей, мы поднимали стопки с ее самогоном и, не чокаясь, поминали то страшное холерное время. Отдельно обязательно стояла стопка с коркой черного хлеба в память о дяде Коле. Дядя Коля почему-то очень любил именно эту стопку, самую обыкновенную, хранил ее отдельно от других в углу верхней полки серванта, который смастерил собственными руками.

Жизнь прекрасна и удивительна

Следом за мной, через год Лилька Гуревич тоже закончила институт. Но ей, в отличие от меня, дали свободный диплом, так как признали по медицинской справке повышенную нервную возбудимость и еще кучу болячек. Это, конечно, Рита Евсеевна вовремя подсуетилась, увидев мои мытарства с дипломом. Так что Лилька после госэкзаменов оказалась сразу вольным казаком, ей не надо было ехать на обработку диплома о высшем образовании к черту на кулички, как мне. Волю-то дали, а что толку. Куда Рита с ней ни совалась, никому не хотелось брать на работу не совсем здоровую девицу, пусть и с верхним образованием. Да еще зайку и с несмываемым пятном в биографии – жирным пятым пунктом.

А может, это обстоятельство и было на первом месте. У нас начальник отдела кадров, как махнет лишку, так откровенно, никого не стесняясь, признавался: евреев ни на материалку, ни в бухгалтерию ни ногой. Он поднимал указательный пальчик кверху, потом подносил ко рту:

– Там сказали, ни в коем случае, слушаешься, тебя попрям на пенсию.

Лемешко артистически выдерживал паузу, косил взгляд на недопитую бутылку водки, спрятанную за ножкой стола, глубоко вздыхал, наливал еще полстакана и продолжал пла-

каться, что у него их вон сколько, покуда здесь сидит, так и они здесь ошиваются, а выгонят его, бедного, так и с ними церемониться не будут, по жопе ногой следом.

– Я всех проверяю, – выпитое добавляло металла в голос, – всех подряд, и мне наплевать, что там обо мне думают. Все, разговор короткий: больше никого, своих жидов хватает, даже за суржиков скулу свернут, так больно по морде моей хохлятской врежут.

Рита Евсеевна с Лилькой покрутились, сунулись в одну лавочку, другую. Бесплезно, всюду от ворот поворот. Вдоволь накормленные пустыми обещаниями: зайдите через дней десять, позвоните через неделку, может, что-то найдется, они притащились к нам. Разговор не клеился, да и что я им могла сказать? Но с тех пор Лилька опять, как в школьные годы, зачастила к нам домой. Я припираюсь с работы никакая, а она меня уже поджидает. Бабка и так, и сяк объясняла ей, что я устаю, но она пропускала это мимо ушей. Упрямая, зараза, если ей что-то надо, все равно своего будет добиваться. Так добивалась бы в тех конторах, куда ходила, обещали же ее пристроить вместо какой-то девахи, уходившей в декретный отпуск. Целый месяц за ее еврейский нос водили. Правда, потом оказалось, что никто в этой конторе и не собирался рожать, так от Лильки просто открестились.

Мне жалко было подругу. И с кавалерами у нее ничего не получалось. При такой ее внешности в Одессе нужно иметь или большое счастье, или семью, где денег куры не клюют.

А у них что клевать было? Цепочка на тонкой Ритиной шее и еще сережки, даже не знаю, золотые ли. Я, признаться, с моей работой ухажерами тоже похвастаться не могла. Кончились они. Это пока учишься в институте, все новые и новые знакомства, мальчишек полно. А сейчас все как вымерли. Летом в Одессу слетается погулять и помахать крылышками туча красивых барышень со всего Союза. Оседают либо здесь, либо увозят добычу к себе домой. И так год за годом, моя бабка называет их саранчой. Притащит с Седьмой станции молоко и приговаривает: все, туда больше ни шагу, все саранча похватила. Но если бы только продукты сжирала, черт с ними, так нет, она еще облепляла и уводила лучших ребят с высшей мореходки. Ее знаете как в Одессе расшифровывали: ОВИМУ – «Ослом вошел и мудаком ушел». Эта саранча и моего рыжего Стаса заглотнула, не подавилась. Исчез парень, а как клялся в любви, то да се. Вот и остается теперь мне, буйной головушке, каждый день из дома выскакать ни свет ни заря, в половине седьмого и возвращаться, когда народ давно наслаждается прелестями вечерней жизни. К девяти вечера еще хорошо, и ни выходных и проходных.

Год на базе пролетел, как один день, а за ним уже и второй потянулся. Вот если бы так время летело, пока учишься! Я бы с Лилькой, честно, с удовольствием поменялась бы, хотя бы немножечко поволынить, ощутить себя свободной от этой проклятой работы. Участочек в плановом отделе мне

отвалили от всей щедрости: учитывать вновь поступающую продукцию, следить не только за завозом, но и за тем, как выполняется план ее закладки на зимнее хранение. Каждый день горы бумаг, ведомости, как простыни, хоть заворачивайся в них. Были бы они полотняными, тогда смочили бы и спасались от жары. И все на тебя орут, скорее, скорее. Если проскакивала ошибка, наша старшая матерком обкладывала почем зря, слышно было до проходной. Пьяненькие работяги посмеивались: сколько в ней веса, пудов шесть? Вот и мата столько, нас там рядом не стояло. Придя в бешенство, старшая вообще могла запустить толстенную папку, бумажки веером разлетались из нее по кабинету, и я еще ползала на карачках, собирала их.

Но она была отходчивой и сразу шла на примирение, особенно в обеденный перерыв, когда я доставала свой завтрак. Жареный биточек или в баночке жареные на сливочном масле куриные печеночки. О бабкиных пирожках вообще молчу. Не церемонясь, старшая у меня все это конфисковывала, приговаривая: дома пожрешь, твоя Пелагея Борисовна еще спечет. Устоять против такого аргумента я не могла. Потом сама ко мне лезла и делала вид, что ничего не случилось. Лемешко, когда мне все это стало надоедать и я, не выдержав, с ревом прибежала к нему в кадры с заявлением об уходе, пытался успокоить: что с нее взять, у тетки недоеб на всю голову, неужели не видишь?

– Что? – я даже не поняла.

Тут он мне научно-популярно все объяснил. Еще и посоветовал: нужно вовремя замуж выходить, а то, не дай Бог, с такой работой сама такой же станешь. Не знаю, почему, но при мне он стеснялся прикладываться к бутылочке. Я догадывалась, родство с Леонидом Павловичем, как-никак дядя – милицейский начальник, не самый последний в городе.

– Вот что, Ольга, прости и пожалей ее. Попомни мои слова, она баба умная, ее за мозги у нас все уважают, из тебя специалиста сделает. Повезло, девушка, тебе, просто ты пока не можешь всего этого понять. Ваш начальник Мизинер за ней, как за каменной стеной. Если она уйдет – тогда базе вообще будет капут. Так что терпи и учись.

Все-таки мудрый мужик, наш кадровик. Черт его знает, как он со своей слабиной к спиртному так долго держится на этом месте, ведь контроль-то какой над ним, все, даже по мелочам, докладывай, согласовывай.

– Решать тебе, девочка. Выдержишь, толк будет, нет, что поделат, не ты первая, не ты последняя. Отдел у вас сложный. Мне уже надоело подбирать экономистов на этот участок.

– Да я же ерундой занимаюсь, бумажки заполняю, по базе их разношу или у себя собираю.

– Ерундой? Да от твоих бумажек, этих сводок судьба базы зависит. Директор подписывает документы, доверяясь тебе, эти данные идут дальше. Все выше и выше. Если что, директора на ковер: выговор, а то и с работы снимут, чело-

веку карьеру поломают или вообще судьбу. Не ерунда это, Ольга. Великий наш вождь что про социализм балакал? Это твой учет, а при коммунизме и вовсе. Мы ведь его возводим, только что-то затянули.

Я представила на минуточку Лильку Гуревич на моем рабочем месте, как она плавает в этой кипе бумаг. Медлительная размазня, но, может, не утонет, попробую похлопотать сейчас за нее. Лилька была согласна на самую низшую должность. Может, уговорю кадровика, и он в виде исключения все же примет ее на работу, в бухгалтерию, куда меня заманивали, но я упиралась, да и Леонид Павлович был против. Он сморщился, когда услышал ее фамилию, его всего передернуло, замахал руками перед моим лицом, даже побурел от злости и наотрез отказал. Видя, как я расстроилась, спросил: – Кто она тебе?

– Подружка, с восьмого класса вместе.

– А кто родители?

– Папа умер, одна мама, и больше в Одессе никого. Мама парикмахер.

– Понятно, маникюрша-педикюрша, значит.

– Нет, нет, – запротестовала я, – она дамский мастер, очень хороший. К ней просто так с улицы не попасть, записываться заранее нужно. Разные начальнички своих жен или любовниц к Рите Евсеевне пристраивают.

Лемешко лукаво посмотрел на меня и стал смачно рассказывать очень старый анекдот, как из эмиграции в тридцатые

годы возвращались люди. Стоит очередь из вновь прибывших, двое в синих погонах их регистрируют, распределяют, значит, трудовые ресурсы, кого куда направить. Спрашивают у одного: имя, профессия?

– Ваня, токарь.

– На завод, значит, Ваня пойдешь, а ты кто?

– Косарь.

– Тогда в колхозе поработаешь. А вы кто будете, гражданочка?

– Миникюрша-педикюрша, – звонко выпаливает женщина.

– Кто? Миникюрша-педикюрша?

– Вася, пиши – бл...дь, там в колхозе разберутся.

Начальник отдела кадров, вероятно, этот анекдот при каждом удобном случае повторял, потому что многие на базе, по делу или нет, употребляли это его: «Вася, пиши – бл...дь, там разберутся». Неясно было только, где это там...

Довольный собственным остроумием, он привстал, покружил вокруг своего стола, затем снова присел и полез в «тайник», за ножку стола, достал бутылку (видимо, на минуту забыл о моем присутствии и стеснении), налил полный граненый стакан водки и, не глотая, опрокинул его целиком в горло. Даже не скривился, скривилась я, а у него только глаза покраснели, но из орбит не повылезали.

– Ты не думай, что я антисемит и терпеть не могу евреев. В молодости сам был влюблен в одну евреечку. Душев-

ная девчонка. Черноглазая, волосы, как смоль, носик такой с горбинкой. Бедная, попала на десятку, маховиком сталинским придавило, будь он неладен, этот усатый последыш вождя мирового пролетариата. И за что? Что-то лишнее сболтнула, стишок какой-то безобидный, а в нем двойной смысл признали.

Видимо, водка не в то горло попала, он начал неприятно отрывивать.

– Я вынужден был отказаться от нее. К сожалению, в жизни иногда приходится ломать в себе все... ради самой жизни. Как зовут твою подружку? Лиля? Нет, мою по-другому звали, Зина. Не еврейское вроде имя, или еврейское?

– Наверное, русское, у нас соседка Зина, Зинаида Филипповна. А по-еврейски Зина, кажется, Злата.

– Вот точно, вспомнил, Злата. Она еще мне говорила: золотая я у тебя девушка.

Лемешко опять бухнул в стакан белого пойла и медленно, глотками, будто обратное лекарство, снова прополоскал свою луженую глотку. Затем достал из ящика стола пачку сигарет, закурил.

– Будешь? Знаю, ты куришь. С девками на лестнице не стой и не болтай. Хочешь курнуть, ко мне приходи, а с ними не вздумай откровенничать. Я давно для себя все понял. Люди – самые опасные звери. Думаешь, для чего придумана религия? Чтобы управлять этими хищными животными. Все рвутся к власти, все! Но одних Бог сделал хозяе-

вами-господами, право дал распоряжаться человечеством, а другим определил быть навечно рабами, служить этим господам. Хорошо придумали, ничего не скажешь.

Он подошел к двери и плотнее ее прикрыл. И уже более тихим, но от того каким-то чужим голосом продолжал, отрывисто чеканя слова, как будто бы острым гвоздем вбивая их мне в башку:

– Революция все перевернула, под зад ногой всем этим хозяевам жизни. Они хватъ свои цацки, кто сколько успел, и деру отсюда. Пароход чуть не перевернули, передавили друг друга, пока по трапу карабкались.

Кадровика, чувствовалось, изрядно развезло, выслушивать его ахинею мне порядком надоело. Сам-то на этом дражном стуле кем себя ощущал? Уж точно не рабом. Наслаждался, какой-никакой, а начальник, все у него в железном кулаке, над всеми власть. Под каждого подкопается; всласть, наверное, перебирать эти анкеты, пятнышки черные своими выпуклыми глазенками выуживать. Кто папа, кто мама, где родился, почему там не сгодился, а в Одессу прискакал, чего это второй, а то и третий раз женился-развелся. О, еще и партийный, как пропустили, люди надежные должны быть, а он экспедитор, овощи-фрукты по магазинам развозит, с документами дело имеет. Мою анкетку тоже от корки до корки изучил и что разнюхал?

Во мне уже все клокотало, но перебить не решалась. Наконец дождалась паузы, смолчать бы или о чем-нибудь от-

влеченном спросить, а я ляпнула:

– Вот вы про революцию. А евреи при чем тут? Они, по моему, первые поддержали ее.

Он посмотрел на меня исподлобья:

– Говоришь, самый бесправный народ был при царе? Может, и так. Но жалости к ним нет. Отшельники они, растеклись по миру, всю жизнь бегают, их за неповиновение богам со своей земли изгнали. А еще вопрос: была ли еще у них своя земля? Евреев ненавидят за то, что против всех других религий пошли, господствовать над другими народами захотелось.

– А кого у нас любят? И про господство неправда, – меня охватывала злость. Ну, какое господство Лильки Гуревич и ее мамы или двух старушек-евреек из нашего двора надо мной или этим кадровиком. Лишнего слова не скажут, всю жизнь приспособливаться должны, всюду это отношение как к людям второго сорта ощущают. И чем провинились, тем, что в ненавистную графу не та национальность вписана. Я ругала себя: зачем ввязалась в этот разговор, но и остановиться не могла, хотелось защитить мою подругу.

– Да я вижу, ты умных книжек начиталась. Тогда скажи, за что они прозваны иудеями, а? – кадровик не унимался. – От Иуды, который предал Иисуса Христа. А кто такой был этот Иисус? Кто его знает? Все это сказки о непорочном зачатии девы Марии, у нее же муж имелся. Люди прикрываются ими, хотят верить в них, чтобы отстраниться от действительности.

Сейчас какой уже век на дворе, и что, всем хорошо живется, сложившийся мир улучшился, его обуздали? Ничего подобного, какие умы старались, ничего не получается. А ты, Оля, молодец, не боишься, за подругу горой стоишь, уважаю. На фронте в нашем взводе так было. Один, правда, нашелся, блатняга, все к Армену приставал: армяшка и армяшка, но мы его быстро скрутили и на землю опустили. Они потом вдвоем в разведку ходили, по «Отечественной войне» отхватили, не помню только какой степени.

Мне уже давно надо было возвращаться в отдел, представляю, сколько бумаг натаскали за это время. Но мне хотелось добить ситуацию с Лилькой, вдруг все-таки выгорит. Потерплю еще немного.

– За что пострадала моя Злата? На нее же донесли, сволочи. Не будь она еврейкой, может, смолчали бы. Антисемитизм – моральная инфекция! Страшная зараза, и живучая, падла. Все вокруг разъедает, людей, страны. Мне открыто заявляют, чтобы на базе жидов не было и вообще гнать их из торговли. Политика такая. Одесса, сама знаешь, кишит ими. На Амур не едут, им там целую республику открыли, не хотят жить в Биробиджане, сюда тянет, на юг, к теплому морю. Ну, да ладно, – он автоматически протянул руку к бутылке, но она была пуста. Медленно отошел от окна и устало плюхнулся на стул. – Черт с ним, одним больше, другим меньше. Не врешь, что у нее никого родственников? Смотри, если обманешь. Обоих выгоню, Леонида Павловича тво-

его не побоюсь.

«О, какой смелый стал, как пол-литра махнул. Как Леня на базе появляется, все в глаза ему смотрит, как преданная собака», – подумала я. Мне бы и здесь помалкивать, а я сдурю опять пустилась в рассуждения о религии, коммунистах, которые не верят ни в бога, ни в черта, о бедных евреях, на которых все ополчились.

На коммунистов и религию Лемешко и бровью не повел, а бедные евреи его зацепили.

– Где ты, Ольга, их видела, бедных? – скорчил он свою поддатую перекошенную рожу.

– Да в моей школе на Пастера, и на Коганке, где раньше жила. На Фонтане в нашем доме две семьи еле концы с концами сводят, совсем бедные и больные. А Лилия Иосифовна как мучается, вы хоть знаете? Вчетвером в комнату-крохотульку едва втискиваются, у нее еще старшая сестра, училка французского. По два квадрата на каждого, как на кладбище, там, может, даже побольше. Когда она болела, я поехала ее навестить, так потом месяц в себя прийти не могла. В их коммуналке еще шесть семей. «Очко» одно на всех, в кухне задницами трутся, не развернуться. В ванную за неделю надо записываться. Есть отчего взбеситься, когда бабам за тридцать, а никого не могут к себе пригласить. Вещи на антресоли под потолком держат, отец построил, – мне вдруг захотелось, чтобы кадровик узнал как можно больше о моей наставнице, – а внизу только шкафчик с посудой, стол и

раздвижной топчан. Лилия Иосифовна с Милкой всю жизнь вдвоем спят на нем, как по команде переворачиваются, то на один бок, то на другой. Вам смешно? А родители знаете, где ночуют? В школе Столярского. Мама в ней уборщицей, отец – гардеробщиком, там и устраиваются на ночлег, лишь бы начальство не узнало, сразу выгонят с работы.

Кадровик меня не прерывал, внимательно слушал, мне даже показалось, что он протрезвел. Может, ему и про Лильку Гуревич сейчас рассказать, про их сраную коммуналку. Вот тебе – евреи все богатые. Да какие богатые! Нищета.

И тут я всю биографию моей подружки, как на духу, выплеснула простыми русскими словами, не выбирая выражений. Как нахлебались, вернувшись из Китая на историческую родину, такого врагу не пожелаешь. Все забрали. Рита, такая красивая женщина, и одна. Лилька всего боится, все у нее – «нельзя». Пусть слушает, раз такой умный.

– Сходили бы к ним, провели для интереса. Вдруг я вам соврала.

– Не говорите, что мне нужно делать, и я не говорю, куда вам нужно идти, – перешел он на одесский жаргон.

Лемешко открыл свой сейф. В уголке железного ящика призывно маячила непочатая бутылка. Я испугалась, сейчас продолжит, все забудет, но кадровик громко захлопнул дверцу.

– Я сказал, что возьму. Помни: беру только из-за тебя. Пусть приходит, – он протянул мне анкету. – А дядьке твое-

му от меня привет передай и спасибо. За что? Много будешь знать – скоро состаришься. Он знает, за что.

Я знала, за что он благодарит Леонида Павловича. Базе ой как были нужны рабочие руки, особенно в сезон, круглые сутки погрузка-выгрузка. Иногородних не принимали – строгий запрет, в Одессе лимит на прописку. Крутись, как хочешь, и никаких бывших уроков, сегодня освободили, завтра опять загребут, обязательно что-то натворят. Не дай бог, в райкоме прознают – партийный выговор обеспечен, а он как клеймо, не отмажешься. Но и план сорвешь – тоже не сладко будет, все начальственные ковры оттопчешь, пыли кабинетной полные легкие наглотаешься. Вот и выбирай из двух зол одно. Леониду Павловичу, конечно, было все это известно, и про вагоны и машины, ожидавшие погрузки, тоже, и на свой страх и риск, под свою милицейскую ответственность он подписывал письма-просьбы.

Абсурд да и только. Нас, одесситов, после института гнали из дома на отработку диплома, как Алку в Певек или меня в молдавский затруханый городок, а к нам получали направление молодые специалисты из других городов. Политика такая, самыми пугающими словами ближе к окончанию вуза были – «распределение и разнорядка». По ним мы получили двух парней-близнецов, новоиспеченных товароведов с высшим образованием из Харькова. На голову нашего кадровика свалилась неразрешимая проблема. Хлопцы оказались ко всем прелестям еще и евреями. Общага наша пе-

реполнена раза в три. И палочки-выручалочки больше нет, Леонида Павловича повысили, из замов начальника милиции в Ильичевском районе перевели начальником в Жовтневый, в самый центр города.

Новый милицейский руководитель ни за что не хотел прописывать харьковчан. Наш кадровик попал как как кур во щи. Не примет на работу присланных по разнарядке молодых специалистов – сам вылетит с нее, закон нарушил, возьмет без прописки – тоже жди неприятностей. Хлопцы сняли угол у какой-то бабки и терпеливо ждали решения своей судьбы, в Харьков они явно не торопились возвращаться.

– Ольга, загляни ко мне, когда освободишься, – кадровик неожиданно был трезв, как стеклышко. Мурлыкал что-то себе под нос, всячески демонстрировал душевное ко мне расположение.

Я сразу разгадала, о чем будет разговор, когда увидела на столе фотографии тех двух парней. Он стесняется уже к дядьке обращаться, совесть нужно все же иметь. Вот, хитрюга, и подписал меня под это дело, зная про жалостливое мое сердце. Леня немного поворчал (чтоб это было первый и последний раз) и черкнул на заявлении своим красивым каллиграфическим почерком милостивое согласие. Ребят прописали, уже на следующее утро они официально вышли на работу.

Лемешко, когда я вернулась от Лени и порадовала приятной вестью, был счастлив не меньше, чем эти ребята, не надо

никому кланяться.

– Слушай, – он почесал свою лысеющую голову, – у меня тоже есть хорошая новость для Лилии Иосифовны. Скажи ей, что я в кооператив ее записал. Дом через год должны сдать. Услуга за услугу. Ты мне, я тебе. А куда деваться, когда жизнь такая! И подружку твою скорее зови, пока я не передумал.

Вот моя Лилька будет рада. Ее берут на работу. Домой я летела, как на крыльях счастья. Первое, что спросила она, а сколько ей платить будут?

Я опешила, не знала, что ответить, придя в себя, вымолвила:

– Не спрашивала. Я начинала с шестидесяти пяти рублей, теперь восемьдесят получаю. И тебе, наверное, для начала столько положат. Плюс потом премия, всякие доплаты, чистыми рублей сто двадцать может выйти. Жить можно, с голоду не помрешь. А вообще, как поработаешь – так и получаешь.

– Ну что молчишь, не рада? Завтра к семи ко мне, вместе пойдем, а пока заполни эту анкету. Постарайся без ошибок. Твоя судьба в твоих руках.

Опять, как в былые годы, подружка с утра за мной заходила. Бабка ворчала, но наливала и ей тарелку манной каши с какао. Первое время мы как-то старались быть вместе, я ей помогала освоиться, знакомила с людьми. Но однажды, когда Лилька заглянула к нам в отдел, моя начальница вдруг

на нее вызверилась:

– Не отвлекай Ольгу, а то еще заперет сводку. И вообще, тебе что, в твоей бухгалтерии делать нечего? Возьми книгу о бухучете и почитай.

Лилька пыталась ей ответить, но из-за заикания только поднатужится, покраснеет и, махнув рукой, так и не проронив ни слова, возвращалась на первый этаж на свое рабочее место.

У моей наставницы не посачкуешь. Я быстро поняла, почему в этом отделе такая текучесть кадров. Такой темп и оперативность так просто не даются. Это должно выработаться чутье, нюх, как у натасканной собаки. Все подметить, ничего не упустить, всем интересоваться. Все полученные сведения в собственной голове разложить буквально по полочкам, и в нужную минуту мозг уже сам поразительным образом сбрасывает тебе же эту информацию. Вот, например, идем мы со старшим экономистом по территории, говорим как будто бы о вчерашней «Кинопанораме». Я прыгаю в восторге от увиденного и услышанного. Заходим в кабинет и как будто не обсуждали отрывки из фильмов, как Каплер все разложил по полочкам: сюжет, игру актеров, музыку; она таким строгим начальственным тоном меня пронзает насквозь:

– Диспетчер по железной дороге тебе передал информацию о вагонах?

– Я сама ему позвонила, он сказал, что, слава богу, сегодня вагонов новых нет и не будет.

– И ты ему поверила?

– А почему бы нет? Это же его работа.

– А если соврал и глазом не моргнул, облопошил тебя, как дурочку. У тебя самой что глаз нет или их кинопанорамой заволкло? Вся территория в этих вагонах и еще десятка два рефрижераторов. Они с луны свалились или все-таки сегодня прибыли? А ну покажи приход, сколько из них выгружено, сколько в простое. На этих бездельников чтобы через два часа у меня на столе докладная лежала. Оля, публика эта ушлая, обведут вокруг пальца, откусят вместе с рукой. Поставь себя так, чтобы они чувствовали: ты знаешь каждый их шаг, и днем, и ночью. Потом отоспятся, когда завозная кончится. Поняла?

Вот как кинопанорама для меня закончилась! После таких уроков я раза три на дню сама обегала территорию, записывая все вагоны, на какой они стадии разгрузки, и сколько уже часов по ним простоя. Результат, естественно, сказался, вскоре почувствовала, как пропало желание со мной связываться и тем более обманывать. И еще блюла наказ: ни при каких обстоятельствах не вступать в дружеские отношения ни с кем на базе, а тем более амурные. Если кто-нибудь запоем лазаря, сразу ей говорить.

– Какого, Лилия Иосифовна, лазаря? Что еще это?

– Это если приставать начнет двуногий с х...ем наперевес, – моя начальница не стеснялась в выражениях, – в любви признаваться, женихаться и все прочее. Что прочее? По-

ели, попили, пора и честь... терять. Уловила? Где работают, там не срут! Отдельвайся шутками, говори, что опоздал, у тебя парень есть, в СКА боксом занимается.

– Я давно все это понимаю, не волнуйтесь.

– Что мне волноваться, пусть твои родные волнуются, я просто предупреждаю.

Так и понеслись мои годы работы с двумя Лилями на нашей оптово-розничной базе по торговле плодоовощами и картофелем. Моя подружка от главбуха получала чуть ли не каждый день приличные разносы, к ней он не клеился – и то хорошо. Уговоры, что это не школа и не институт, а работа, на нее не действовали. Она только бубнила одно:

– Мне не интересно, я устала, ну, не могу эту херню запомнить. Так что, из-за этого мне расстраиваться?

Мизинер пожалел ее и перевел на участок не бей лежачего – учет малоценки. И и ее, и всех это, в конце концов, устроило, через год Лильку уже стали даже хвалить.

Мою начальницу Лилию Иосифовну включили в список очередников на получение кооперативной квартиры. Все кладовщики, даже без расписок, сами собрали недостающую ей немалую сумму. Сам кадровик руководил процессом и все держал под личным контролем. Через год, как и обещали, этот дом на Первой станции Черноморской дороги сдали, и она получила ордер. Решили накануне ближайшего выходного после работы почти всем отделом заехать обмыть новую квартиру. Что подарить, где достать, когда во всех магазинах

ни черта нет? Пустыня Гоби, так отвечала мне старшая сестра после рысканья по ним. В одном хозяйственном, где по стенам были развешаны одни пластмассовые горшки кашпо темно-коричневого цвета, наткнулись на никому не нужные в это время года складные пляжные стульчики, посмеялись, но все же решили купить, может, пригодятся для Лилькиного балкона. Не с пустыми же руками, в конце концов, идти. Так и сидели на этих стульчиках посреди пустой комнаты, отмечая новоселье. Пили болгарскую плиску, с ней не было проблем, закусывая бабкиными пирожками и разной вкуснятиной, приготовленной мамой Лилии Иосифовны.

Мадам Табачникова была на седьмом небе, наконец-то своя собственная квартира, и мы всем отделом, базой вместе с ней радовались. Казалось, наслаждайся жизнью. А на самом деле сплошные хлопоты. Головная боль, в Одессе буквально все дефицит, начиная прямо с гвоздя и вешалки, ну не с той, с которой начинается театр, а самой обыкновенной в два-три крючка, куда можно повесить пальто или плащ. Целый год Лилия Иосифовна носилась, как угорелая, постепенно все доставая. Там шкафчик на кухню, в другом месте по страшному блату обеденный стол, еще где-то тумбочку под телевизор. Самая большая проблема был диван. Женщина она крупная, одинарный не подходил, узок, нужен хотя бы полуторный и чтобы раскладывался. О чешском или румынском гарнитуре она и не заикалась, их по особой разрядке только большому начальству выделяли. Странно было, мы с

Алкой иногда ездили в Молдавию, километров пятьдесят от Одессы отъедешь и, пожалуйста, в сраном сельпо красивая мебель. И люстры, и торшеры, и для кухни набор есть. Что значит союзная республика, совсем иначе снабжают, а наш славный город-герой в низшую категорию запихнули, нашу же бывшую, первую, в Днепропетровск перекинули, на родину дорогого и всеми любимого Леонида Ильича.

Этот год своей жизни я просто не помню, как пролетел. Многим одесситам надоело ждать милости от государства, и стали строить в новых микрорайонах кооперативные квартиры. В кооператив еще надо было попасть, не так-то просто. Если не хватало на первый взнос своих денег, это процентов сорок от конечной стоимости, собирали по родственникам и друзьям. На многие годы лезли в кабалу, но люди шли на это. Лилии Иосифовны старшая сестра Мила тоже вступила в кооператив в своей французской специализированной знаменитой школе, что на Соборке.

Такой строительный бум развернулся! Ажиотаж. Соответственно и цены поползли вверх, но желание людей жить в человеческих условиях было непоколебимым. Пусть в долгах, как в шелках, зато хоть квартиры отдельные на старости лет поимели. С комфортом в собственном туалете посидеть, кроссворд поразгадывать, и чтобы никто не стучался, не ломился в дверь – что засела, обосралась что ли, тут целая очередь. Свой сортир – какой праздник! А тем временем освободившиеся коммуналки продолжали ускоренно начинаться

приезжими, разбавлявшими коренное одесское население, и оттого была опасность, что город может потерять свой неповторимый колорит.

Сегодня Лилька Гуревич целый день ко мне подлизывается. То с одним вопросом заявляется к нам в отдел, то с другим. Явно ей что-то понадобилось. Оказывается, в воскресенье наша общая подружка Фатимка собирает у себя бомонд. Приглашен фотограф-надомник, чтобы снять их неотразимую красоту. Ему выгодно, конечно, набрать побольше девочек, чтобы нащелкать как можно больше кадров. Меньше, чем на семь человек, он на фотосессию приезжать не соглашался. Глупые все-таки девки, теряют головы вместе с мозгами, если, конечно, есть что терять. В прошлый раз они вошли в такой раж, что он нащелкал их на несколько сотен рублей каждую. Наменялись одеждами, то так их сними, под таким ракурсом, чтобы кофточка лучше смотрелась или как юбка красиво сидит.

Лилька, правда, меня не сватала под это мероприятие, дрейфила. Только, ластясь по-кошачьи, просила причесать ее по-современному.

– Лилька, так у тебя ж мама классный парикмахер, я-то тебе зачем?

Если честно, мне на Лильке не нравилась стрижка. Рита Евсеевна делала ей укладку, но у нее, очевидно, постоянно срабатывал профессиональный инстинкт, и Лилька в ее причёске выглядела, как все тетки, выходящие из нашей знаме-

нитой парикмахерской в возрастной категории лет под пятьдесят. Шаблон срабатывал, никакие слезы, истерики Лилькины не помогали. Она часто после маминой работы прибежала ко мне: Олька, подправь, умоляю, и я наносила свои штрихи.

Так она уговорила меня все-таки прийти к Фатимке и посмотреть, как это все происходит. Все девчонки притащились с баулами, полными шмотья. Драла я им их дикие начесы, лакировала и сама не заметила, как поддалась на удочку фотографа. Сработал инстинкт. Как не сработать, когда он стал, между прочим, отвешивать комплименты насчет моей фотогеничности, оцениваяще так оглядел меня с ног до головы. Предложил ради интереса попробовать, он сделает пару снимков, если они мне не понравятся, то я не буду за них платить. Я наблюдала, как девчонки позируют, и решилась. Поз у меня было совсем мало, но я меняла прически сама себе, переодевалась в Фатимкины наряды.

Хитрющий пожилой еврей фотографировал нас по очереди. Всех выставлял за дверь, чтобы мы не смешили друг дружку, не мешали, не отвлекали. Фотосессию он устроил в большой квадратной комнате Фатимкиного папы. Знал бы только боевой полковник-танкист Казбек Гутиев, что мы устроили в его кабинете.

– А в обнаженном виде вы не хотите? – шепнул мне фотограф на ухо, когда в очередной раз мы остались с ним в комнате вдвоем. – Или в полуобнаженном. Я вам такую пикант-

ную позу придумаю, всю жизнь будете любоваться собою. И это, детка, совершенно бесплатно.

Как я потом узнала, он предлагал это и другим девчонкам. Клялся-божился, что об этом никому ни слова, что, когда мы постареем, очень пожалеем, что отказались от такого предложения. В купальниках девчонки, правда, рискнули себя запечатлеть. К сожалению, на меня не нашлось подходящего. Он еще пощелкал нас, кадр за кадром, поправляя наши наивные головки, и удалился. Объявился через пару недель с приговором. Суммы были, по моим понятиям, астрономические. Однако товар, ничего не скажешь, того стоил. Не схалтурил старик. Все мы выглядели на фотографиях просто киноартистками. Даже красивее Ирины Скобцевой и Майи Менглет.

Заикнуться, что я растранижила такую сумму на фотографии, значит, бабка с Алкой учинят скандал. Мама промолчит, только медленно покрутит головой, как всегда, когда она злится. Выручила Лилькина мама, одолжила денег, и я расплатилась. Снимки всем дома понравились, я соврала, сказала, что это работа одного мальчика, Фатимкиного знакомого, который занимается в фотокружке при каком-то заводском дворце культуры, и это для него практика. Честно, мне еще хотелось сниматься, но было не до этого. Работа и еще раз работа. И мама стала часто болеть и в конце концов уволилась с мясоконтрольной станции. Мы теперь с Аллочкой вдвоем содержали семью.

Будьте вы все прокляты

Гром среди ясного неба прозвучал так неожиданно для меня, что буквально сразил наповал. Меня вызвал Лемешко и с порога заорал:

– Ты кого мне подсунула? Я тебя вместе с ней взашей выгоню за такие дела. И твой дядька, между прочим, меня поддержит.

Я стояла и не понимала, о чем он вообще говорит. За собой я никакой вины не чувствовала, наоборот, меня хвалили. Главбух вообще лелеял надежду, что я к нему в замы соглашусь пойти. Не терял надежду меня перетянуть к себе, не далее как вчера вечером после работы снова пытался. Может, это такой способ обработки?

Я не засмеялась, а заржала.

– Ничего у вас не получится. В бухгалтерию ни ногой, мне и в плановом хорошо.

– Какая к чертовой матери бухгалтерия и твой плановый, – кадровик продолжал свирепеть, весь набычился, как на красную тряпку реагировал. – Ей, бл...дь, хорошо, а вот мне от твоей «протэжэ» не очень. Подосрала ты мне, дорогая, со своей подружкой. Кого, спрашиваю, подсунула?

Какая подружка? И вообще, какое его дело до моих подруг и друзей?

– Заика твоя Гуревич! – его буквально всего трясло.

Господи, что могла безобидная Лилька такого натворить, чтобы он так разорался, не иначе как украсть миллион. Но где его взять?

– Ты сама-то знаешь, кто она такая?

– Конечно, знаю, – меня уже самую начала бить нервная дрожь, – а что случилось, что она начудила?

– Не прикидывайся. Почему молчала, что у нее куча родственников за границей, или не знала?

– Почему не знала? Знаю еще с восьмого класса, как она к нам в школу пришла. Они им помогают, посылки присылают. У них вообще уникальная семья. Редкий случай: два родных брата женились на двух родных сестрах. Правда, здорово? А эти посылки помогают им выживать, люди еле концы с концами сводят. В Одессе помочь некому, я же вам говорила, что у них здесь никого родственников. А что?

– А то, чтобы она немедленно написала заявление по собственному. Желательно прошлым месяцем. Ясно? Вот иди к ней и передай, лучшая подруга.

Я оцепенела. С чего это вдруг он взбеленился?

– Ну, иди! Ты, похоже, совсем безмозглая, не понимаешь, какую свинью мне подсуропила. И я, старый идиот! Кому только сказать, проморгал ее биографию. Она же, засранка, в Китае родилась.

– И что из этого? А я в Одессе, а вы где?

– Посмотрите на этого ангелочка, она еще шутит. Дура набитая.

Тут я не выдержала, из меня чуть не вырвалось, что он сам дурак, только сказала, чтобы кадровик выбирал слова.

– Эх, Ольга, мне из комитета, того самого, понимаешь, сегодня давний знакомый позвонил, поинтересовался твоей Лилей, будь она неладна. Они с мамашей намылились за бургор. И не в турпоездку, кто бы их выпустил, а насовсем. А я, лопух старый, прошляпил. Мне этот звонок оттуда как укор: ты что здесь штаны протираешь, не знаешь, что у тебя под носом творится? Облапошила меня девка. Зарекался же больше евреев не брать. Только этого гембея мне ко всем радостям жизни и не хватало. Выгонят из-за какой-то сучки без пенсии. Это быстро у нас.

Начальник отдела кадров вдруг сменил тон, назвал меня красавицей и попросил об одолжении за одолжение: по-тихому взять у Лильки заявление. Пусть немедленно убирается. Полный расчет – и чтобы духу ее за километр от базы не было.

– Как ты будешь с ней договариваться, не мое дело, но завтра, слышишь, завтра бумага должна лежать у меня на столе. Документы ее тебе отдам. За отпуск там или за что еще положено ей деньги вернут. Все. Привет Леониду Павловичу, он тебе объяснит более подробно.

Выходит, и я влипла. Все в тайне держалось. Лилька ничего об эмиграции не говорила, может, это неправда. Посылки из Австралии они действительно получают. Рита все продает, даже моя Алка у нее купила кофточку-двойку, а я шарф

мохеровый и нитки. Лилька и на работу приносила моточки хорошие, настоящие, пушистые. Вся бухгалтерия у нее раскупила. Еще бабы просили меня им связать шапочки. Я всем навязала (бабка, спасибо, научила), у меня такие спицы немецкие, что за один вечер перед телевизором шапочка готова. Денег я не брала, они мне дарили за это конфеты.

Я бережливо все это делала, и от каждой шапочки у меня метр, а то и полтора ниточек оставалось. Чем шерсть тоньше, тем ниток в мотке больше, вот и вся арифметика. Из этого остатка себе жилеточку полосатенькую сработала, надевала сверху на батник, очень даже клево смотрелось, и тепло. Ни у кого такой нет. Мохер был нарасхват, на толкучке вообще жутко дорогой. Мореманы на продажу таскали из-за границы, но это не мохер, а подделка, сплошное дерьмо синтетическое, но и оно уходило только так. А Лильке тетка, старшая мамина сестра, присылала настоящего качества, из шерсти ламы и эму.

Что мне делать, как ей такое сказать? Она последнее время и так на меня дуется. Не знаю, за что, может, завидует. Меня через два года работы перевели в старшие экономисты, так что я теперь уже на равных со своей наставницей. Мне ничего не стоит при ссоре с ней отфутболить ей папку обратно, если она вздумает ее запустить в меня. Но мы обе понимаем, что тянуть этот воз и маленькую тележку кроме нас некому, и помогаем друг дружке, как можем. В общем, не разлей вода и на работе, и после. А Гуревич невольно ото-

шла на второй план. Все время она ко мне в претензии: мол, я ее никуда с собой не беру.

Ей очень нравится Юра Воронюк, тридцатипятилетний ловелас. Это давняя история, тянется еще со школы. Лично я его органически не воспринимаю как кавалера, а ей он нравится. Но, к сожалению, она не в его вкусе, и здесь уж точно ничего не попишешь. Я как сводница (чего только не придумывала) пыталась заарканить его, затащить в кино, чтобы мы втроем пошли, а дальше пусть сами разбираются, но Юра совсем взрослый мужчина, и все мои уловки раскусывал, пресекал на корню.

С работы мы возвращались вместе, сидели рядом с ней в автобусе, и язык не поворачивался начать такой неприятный, подлый разговор. Уже к моему дому подошли, начинаем прощаться, Лилька говорит: пока, до завтра. Какого завтра? Завтра не должно уже быть.

– Лилька, слушай, зайдем ко мне, пожрем и куда-нибудь рванем.

Она заметно повеселела, хотя и так настроение у нее было отличное, всю дорогу с базы тарахтела, рассказывая о своих последних рабочих приключениях. Мы вкусно поели, попили, бабка крутилась на кухне, бурчала что-то под нос, намекала, что уже поздновато, рано вставать, пора расходиться, завтра договорите. Опять это – завтра.

– Оль, у тебя что-то случилось? Грустная ты какая-то. Я же вижу, ты места себе не находишь. Поделись, мы же по-

други.

– Случилось, Лилька, пошли во двор или лучше к тебе домой.

Риты Евсеевны не было, она раньше двенадцати часов ночи редко появлялась. Я и решилась. Выпала все, как из пулемета, не останавливаясь. Лилька молчала, только изредка всхлипывала и нервно теребила волосы.

– Что ты молчишь? Вы действительно решили уехать?

И вдруг она, не заикаясь, как заорет:

– Ненавижу вас всех, ненавижу. Мама, думаешь, затрочала в своей парикмахерской? Да ее оттуда тоже уволили, ходит теперь до ночи по домам, подрабатывает. Подавитесь этой работой. Мы все равно отсюда уедем, никто не остановит. Будь проклят тот день и час, когда нас заманили в этот социалистический рай. Как мог папа поверить в эти сказки? Что ему не сиделось в Харбине? На родину потянуло. Спасибо тебе, родина, приютила, нищими сделала.

Такой свирепой свою подружку я никогда раньше не видела. Рита Евсеевна еще могла иногда завестись и, не стесняясь, проклинать все на свете – и свою загубленную жизнь, и эту гребаную страну. Но чтобы Лилька... Никогда. Она же страшная трусиха. Мне так обидно стало: столько для нее делала, и нате вам, отблагодарила.

– Могла бы хоть предупредить, что вы затеяли. Теперь из-за тебя и у меня неприятности, а оно мне надо. Кадры велели у тебя заявление взять. Можешь больше на работу не вы-

ходить.

Меня вдруг тоже понесло, что, мол, к ним по-человечески относились, квартиру, да, не дали, только комнату, а скольким и это не светит, по общежитиям всю жизнь мотаются, институт закончила, на работу устроилась. Потом жалела, что так набросилась на нее, патриотизм разыграл, комсомольский дух наружу выплеснулся. А мы как мучились в своем сарае на Коганке, не приезжие, коренные одесситы не знаю в каком колене. Дед, бабушка, мама с Леной и мы с Алкой, Ленка потом еще и женился. И все в одной глиняной мазанке, сортир на улице. Деду трехкомнатную квартиру обещали, ну как же – уважаемый человек, всю жизнь на одесский порт корячился, орден Ленина первый получил, а помер от военных ран не вовремя, так про все заслуги забыли, еле эту двушку отстояли на Шестой Фонтана.

– А я буду ходить, вам назло, и никто не имеет права меня выгнать. Я теперь единственная кормилица. Сколько будут канючить с оформлением документов, месяц, два, полгода, год, не знаю. Пока не уедем, с базы ни шагу. До последнего дня. Ты, что ли, будешь меня кормить или эти сволочи? А комната? Да подавитесь; чтоб она провалилась вместе с домом и всеми вами!

Лилька стала снова безумно заикаться, перекошенное от злости ее лицо покрылось потом, пена летела у нее изо рта. Не проронив больше ни слова, я тихо удалилась, аккуратно прикрыв за собой дверь. В их парадной и прежде никогда не

горели лампочки, однако свет с улицы позволял различить хоть контуры лестниц и перил. А сегодня был полный мрак, как только родители водят детей в детский сад на первом этаже, ничего же не видно, ушибить ребенка можно.

Оказавшись на улице, я невольно отшатнулась назад. Совершенно белый густой туман плотно облепил меня со всех сторон. Как в фильме ужасов, который смотрела в летнем кинотеатре на Шестнадцатой станции Большого Фонтана. Он, как чудовище, опускался откуда-то сверху, прижимая меня к земле. Ее не было видно, как саму себя, ни рук, ни ног. Может, я стала привидением от Лилькиных проклятий. Страх вдруг крепко скрутил меня железным обручем, какие на бочках с вином. Было такое ощущение, что я окунулась в грязную воду вместе с головой. Дышать стало тяжело, не хватало воздуха, я старалась глотать его, как можно шире раскрыв рот. На языке чувствовала неприятную солёноватость, будто только что выпила рассола. Одежда вмиг намочила вместе с волосами.

Я принялась махать руками, чтобы как-то раздвинуть эту непреступную белую стену. Крикнула, но звук комком застрял в глотке. Где-то совсем далеко простуженно, еле уловимо шумел маяк бакен. Этот звук с детства вызывал у меня животный страх. Как, должно быть, страшно тем, кто находится в такую погоду в море. На суше тревожно, а там... С трудом различая кромку своего дома, я мелкими шажками, наконец, добралась до собственной парадной. Дома, ти-

хо проскочив на кухню, подогрела молоко, немного успокоилась. Что делать? Так патриотическая спесь уже улетучилась, растворилась в тумане. Осуждать Лильку и ее маму, зная всю их нелегкую судьбу? Но как утром ехать на работу вместе с ней в одном автобусе, я не представляла.

Я закуталась в старое бабкино пальто и выскочила на балкон покурить. Странный треск или стук отвлек меня от моих мучительных мыслей. Я вздрогнула, перегнулась через балконную решетку, крепко держась за нее руками. Ничего не видно. Опять воцарилась мертвая тишина. Туман еще гуще; как волны в шторм накатываются на берег, так и он мощно наплывал на мостовую и неся по ней так стремительно, словно старался поскорее выбраться из туннеля или аэродинамической трубы.

Алка выскочила на балкон:

– Что ты здесь делаешь?

– Ничего я не делаю, курю. Слышала треск? Может, дерево старое рухнуло?

Внезапно разом вспыхнул свет в окнах многих квартир, на парадной захлопали двери. Дружок заметался по коридору, безумно лая. Бабка заорала, чтобы мы немедленно одевались и сразу на улицу. Это землетрясение! Мы услышали крик бежавших по лестнице соседей. Весь дом пришел в движение. На улице в полном тумане было спокойно. Соседний «генеральский» дом как безмолвно спал, так и продолжал спать. Только из Лилькиного двора доносился шум и чувствава-

лась какая-то суэта, как у нас. Их пришибленная пятиэтажка – три первых этажа нормальные, с потолками под три метра, два других достроены, типичные «хрущевки», когда подпрыгивать не надо, чтобы достать до потолка, – выглядела подобно букве «Г». В углу в подвале размещалась кочегарка, которая нас отапливала. То ли грунтовые воды, то ли пустоты после выборки камня ракушечника под фундаментами, но наши оба дома стали проседать и трещать.

Когда туман рассеялся, точнее, стремительно растаял, открылась страшная картина: громадная кирпичная труба, торчащая из кочегарки, резко накренилась, по ней поползли круговые трещины. Все жильцы, как замороженные, смотрели на нее и отпрянули назад. Труба могла потащить за собой весь дом, и он рухнул бы на глазах. Фатимкина мама стала лихорадочно кричать, чтобы те, кто еще не вышел, быстро выбегали на улицу. Появившаяся еще одна здоровенная трещина извивающейся змеей сползала сверху, с пятого этажа на первый, сначала тихо, потом с глухим гулом. Она, словно специально нацеленная, рассекала дом там, где была Лилькина комната, прямо по центру их балкона.

Парадная медленно, а потом все быстрее стала проседать. Дом заходил ходуном. Все в шоке наблюдали, что будет дальше. Мыто хоть устоим, или нас ждет та же участь? Нет, наш стоит, и вроде треск прекратился, но возвращаться к себе люди боялись, да и прибывшие раньше других спасательных служб пожарные запрещали. Так и кантовались целую ночь

во дворе, и лишь к утру нам разрешили вернуться. Находиться внутри было жутковато. Мама с бабушкой отправили нас с Алкой к Лене с Жанной, собрали наскоро небольшие узлы с самым ценным. Смех и грех, самое ценное – Алкина сберкнижка с небольшой суммой и документы. Еще какие-то бабушкины старые письма, которые она хранила в тайне от деда еще, наверное, с начала века. Может, любовные. Если так и дед прознал бы, нашей Пелагее Борисовне не сдобровать, поколотил бы ее Павел Антонович, частенько поднимал на бабушку руку. Суровый был мужик, мне тоже доставалось, один шрам до сих пор напоминает.

Во дворе, когда мы с нашими узелками спустились вниз, главный инженер, окруженный взбудораженными жителями, убеждал, что нам ничего не угрожает. Он уже успел обойти несколько квартир и теперь клятвенно обещал, что сегодня же установят «маячки», а по ним решат, как поступать дальше.

– Вы зря волнуетесь (ничего себе – зря), я гарантирую, у вас будет все в порядке, ваш дом собран из тяжелых железобетонных блоков, и он не рухнет.

С Лилькой все обстояло значительно хуже. Детский сад в спешном порядке закрыли. За два дня снесли трубу, ее разбирали вручную. Всю парадную укрепили деревянными подпорками. Удивительно, но соседние с Гуревичами квартиры и те, что напротив на лестничной клетке, не пострадали, трещины, хоть и были, но не опасные. Так что семья полковни-

ка Гутиева с нашей подружкой Фатимкой продолжали жить. Отселению подлежал только Лилькин отсек.

Меня еще мучала мистика, связанная с Лилькиным проклятием. От дядьки я позвонила на работу и сообщила о произошедшем. Мне разрешили на работу не выходить. Душа, конечно, была не на месте, как там бабушка, мама и Лилька с Ритой Евсеевной. Ко всем их неприятностям еще и эта, пришла беда – открывай ворота. Куда они теперь денутся? На улице не останутся, приютим, конечно, у себя, пока решится их вопрос, должны же им выделить хотя бы временное пристанище. Леонид Павлович съездил на место и не велел нам с Алкой пока туда рыпаться.

Все-таки я не послушалась дядьку и, не дожидаясь Алки с работы, поехала домой. Ни Лильку, ни ее маму уже не застала. Еще днем им выдали ордера на другую площадь и в авральном порядке переселили. Фатимка сказала, что куда-то на Судоремонтный поселок. Наутро, едва переступив порог базы, я, не заглядывая к себе в отдел, сразу понеслась в отдел кадров. Завидев меня, Лемешко нахмурился, видимо, что-то хотел выдать из себя, но только махнул рукой: мол, я все знаю, мы же все люди, понимаем. По приказу Лильку отправили в отпуск, я за нее получила отпускные, еще наш профсоюз выделил ей материальную помощь.

Внешне поселок судостроительного завода производил приятное впечатление. Широкий проспект тянулся от Пятой станции Большого Фонтана до Первой станции Черномор-

ской дороги, бывшей Люсдорфской. Центральный проспект назвали в честь Патриса Лумумбы. Посреди него были высажены деревья, вдоль широких тротуаров двухэтажные симпатичные особнячки, окруженные уютными палисадничками с кустами и цветами. Все это должно было вызывать восхищение и показать всему миру, как партия заботится о простых рабочих. Действительно, все, что нужно было для жизни, там было – и школа, и детские сады, магазины, даже наш придворный любимый кинотеатр «Вымпел».

Искать Лильку долго не пришлось, в местном домоуправлении тут же дали адрес, случай-то какой, не каждый день дома рушатся. Но что я застала внутри этого с виду приятного особнячка, куда их поселили... Комната в коммуналке. До них там обитал какой-то пьяница, который месяц как умер. Все, что можно было бы поломать, было поломано, выбито, испохаблено. Посреди гора мусора, ее неделю надо разгребать. По коридору и кухне шастали синюшные строители коммунизма. Они были страшно возмущены, что им подселили блатных жидов, ладно бы еще славян, да и вообще имели сами виды на эту комнатку.

Лилька с мамой даже не удивились моему приходу, как я быстро их нашла. Никаких радостных эмоций. Выражение лица, как, наверное, у приговоренных к долгому тюремному сроку. Лилька говорить не могла вообще, только молча расписалась за деньги. Рита Евсеевна вдруг разрыдалась, просила у дочери прощения, что привезла ее в эту сучью стра-

ну и обрекла на такие мучения. Клялась, что ляжет костями, но, во что бы то ни стало, она ее отсюда увезет. Потом уставилась на меня. Я ужаснулась от ее взгляда. Смотри, смотри, как над нами измываются, читала я в нем, чего же ты не радуешься? Лучше в лагере, чем в этой комнате с такими соседями, нам не привыкать, мы уже там побывали, свое отсидели, ваших райских кушей нахлебались. Все у нас забрали, все. Жизни наши еще нужны – так и их скоро отнимут.

Мне стало не по себе. Лично я чем перед ними провинилась? Я этого выдержать больше не могла – как Рита Евсеевна ползала между тюками, вращая безумно глазами. Немедленно уйти, но как оставить их сейчас одних, наедине со своим горем.

– Тетя Рита, успокойтесь, нас тоже могут выселить, у нас тоже трещины. Спать боимся, бабушка всю ночь караулит. Отопление отключили, холод собачий, а у вас хоть тепло. Я завтра загляну, уберемся в комнате, все перемоем. Пожалуйста, успокойтесь, ну, ради Лильки.

Рита Евсеевна обессилена плюхнулась на какой-то узел.

– Мы же никому здесь не нужны, с нами одна морока, так отпустили бы, и комната свободна, эти пьянчуги только об этом мечтают.

Из коридора донесся грохот, будто кто-то споткнулся и упал. Я выглянула за дверь. Отталкиваясь от стенки к стенке, не шел, а полз дядька в одних трусах и майке. За ним тянулась вонючая полоса блевотины.

– О, еще одна проб...дь, – он вытаращил на меня свои залитые алкогольной дрянью глаза. – Серега, иди сюда, нам мало этих двух сук, так и третья объявилась.

– Кто? – я рассвирепела. – Я тебе, б...ь, хавало твое грязное сейчас заткну. – Обрушив на мужика еще немало из специфического словарного запаса, бытовавшего на базе (двух лет вполне хватило, чтобы освоить его), я выбежала на улицу к телефону-автомату. Была не была, нарушу строгий запрет Леонида Павловича прикрываться его именем, пускай он потом меня обкладывает более приятным матерком. Я набрала знакомый мне номер ближайшего отделения милиции, не так давно обращались туда с Алкой с просьбой навести порядок у нашего магазина.

– Здравствуйте, – стараясь быть хладнокровной, вымолвила я, услышав ответ дежурного. – Меня зовут Ольга Приходченко, я – племянница Леонида Павловича Приходченко. – Мне бы поговорить с вашим начальником.

– Знаем мы Леонида Павловича. Уважаемый человек. У нас служат люди, которые с ним еще в УГРО работали. Начальника сейчас нет, может, я вам чем-то помогу. Что у вас случилось?

– Да не у меня. Вы слышали про дом, который едва не рухнул сегодня ночью?

– Не волнуйтесь, сейчас же высылаю наряд, – среагировал дежурный, когда я вкратце изложила суть дела. – Адрес? Не знаете? Ну, хоть примерно, где вы находитесь? Стойте на

улице и подождите ребят.

Ребята, два дюжих молодца, объявились буквально через несколько минут. Разговор у них с пьяницами был короткий, но основательный, и явно без стеснения в выражениях.

– А ну мигом ползите назад в свою клетку, еще одна жалоба – и запрет в настоящую, и надолго, – скомандовал один из парней, видимо, старший. – А вы, гражданочки, если что, не стесняйтесь, сразу нам звонок.

– Спасибо вам, и тебе, Оленька, спасибо. Мне как-то неудобно, что ты из-за нас потревожила людей, у них поважнее дела, чем мы. Мы кто? Да мелочь, под ногами путаемся. Так прогоните нас скорее, чтобы не мешали строить коммунизм.

Рита Евсеевна продолжала гнуть свое. Милиционеры, так и не поняв, о чем эта красивая женщина с заплаканными глазами, удалились.

– Нам ничего от них не надо, ничего с собой не возьмем, мне бы только Лильку из этого ада вырвать, ради нее я живу.

Она потерла ладонями виски, немного успокоилась.

– Завтра придут вставить стекла, протянем еще как-нибудь до отъезда, – Рита Евсеева выдержала паузу, – если разрешение получим. Я с них живой не слезу, пусть не надеются. В ООН напишу, а что? Что нам терять, хуже уже быть не может. А ты, Оля, спасибо тебе еще раз, беги домой, уже поздно. Глухой бандитский район, сама видишь, какая публика, в темень ходить опасно.

Я вышла на проспект Патриса Лумумбы и, прибавив шагу, рванула к своей Пятой Фонтана. В ушах звучала песня из кинофильма «Весна на Заречной улице»: «Когда весна придет, не знаю, пройдут дожди, сойдут снега, но ты мне, улица родная, и в непогоду дорога». Лицо освежал встречный морской ветер, сдувая с меня, с моей одежды омерзительный дух этой комнаты в трущобе. Я плакала, перед глазами возникали картины из жизни этой маленькой семьи. Воочию представила, как маленькая девочка Лилька садится в шикарный экспресс Пекин – Москва и с родителями едет в Москву, где папа будет преподавать в университете, а мама еще не знает, чем займется, а пока страшно переживает, что недостаточно захватила с собой нарядов на выход.

Папа Кива заставляет Лильку учить русские слова, так как она совершенно не знает языка, поскольку училась три года во французской гимназии. За ними в товарном вагоне едет их багаж. Отец места себе не находит, переживает за самое ценное, что для него в этой жизни, – книги. Начал их собирать еще его дед, живший в Берлине, а продолжил отец, теперь его очередь уберечь эту бесценную коллекцию и передать ее Лильке или новой своей родине, на которой никогда в жизни раньше не был. Русский язык Кива знает хорошо от своей матери, бывшей одесситки. Она, кстати, и познакомила его с будущей женой Ритой, у которой, в свою очередь, родственники тоже были выходцами с Украины.

Языки вообще ему давались, полиглот: родной немецкий,

английский, французский. Как только началась война в Испании, через месяц он уже все переводил с испанского на китайский. У него была собственная система их быстрого изучения. Так что на новую родину он ехал не с пустыми руками. Внутри kloкотало огромное желание принести ей пользу. Стране, победившей фашизм, разрушенной, израненной, еще не оправившейся от войны.

Восточный экспресс тронулся с пекинского вокзала под звуки бравурной музыки, даже гимн СССР сыграли по радио, и вез их теперь на запад, в Москву. Сколько было выпито шампанского, сколько было споров, кто чем займется, когда приедут. Станным было только то, что их после пересечения границы Советского Союза не выпускали из вагонов ни на одной станции. На границе у них сразу отобрали документы и сказали, что взамен, по прибытии им выдадут уже советские паспорта.

Через несколько суток, ночью на какой-то станции, не доезжая до Свердловска километров четыреста, их вежливо попросили выйти из вагонов, подышать свежим воздухом. И началось, подышали... Киву, толкая в спину и не произнеся ни слова, сразу увели двое штатских в одинаковых синих плащах. Риту Евсеевну с маленькой Лилькой посадили в машину и через несколько часов устроили им допрос в тюрьме в городе Краснотурьинске. Так их встретила по-матерински или по-отечески новая родина, которую они так мечтали поскорее увидеть.

– Мы вас задерживаем для дополнительной проверки, а детеныша отправим в приют, – сказали Рите перед тем, как увести в камеру, которая уже была переполнена такими же, как она, возвращенцами из Китая.

– Как это можно отрывать ребенка от матери, и девочка совершенно не говорит по-русски, как она узнает, где ее мама, – возмущаться было бесполезно.

– Это ей знать не обязательно. А то, что ни бельмеса не понимает, так это не беда, там научат. Не она первая, не она последняя. Там разные детишки, некоторые уже по многу лет.

Рита готова была стерпеть все, только не разлуку с дочерью, это было самым страшным испытанием. Как она его выдержала, никогда ничего никому не рассказывала. Когда через два месяца ей разрешили увидеть Лильку и дали в руки зеркало, от увиденного в отражении она потеряла сознание. В приюте с маленькой Лилькой могла только общаться нянька, старая немка. Всю ее семью раскулаченных поволжских немцев арестовали, и они сгинули на медных рудниках, лишь эта старушка осталась в живых, ее освободили из заключения по возрасту, и она опекала несчастную сиротку. Лилька понимать ее понимала, но от всего случившегося лишилась дара речи.

На допросах Риту обвиняли, что она специально везла в Москву химические препараты, чтобы травить народ. Ее попытку объяснить, что это всего лишь специальный раствор для входившей в моду шестимесячной химической завив-

ки, высмеивали. Как переубедить этих обезумевших от собственной власти людей, ощущающих свое превосходство над остальными? На очередном допросе она при всех сама себе накрутила волосы на китайские специальные бигуди – натуральные косточки, смочила косметическим раствором свою поседевшую голову, и все ахнули, когда увидели эти кудряшки, которые не боятся воды, не раскручиваются. Когда на праздник Октябрьской революции охранницы пришли в клуб все как одна в шестимесячных завивках, жены начальства обалдели. Они-то за такой прической специально летали в Москву или ехали в Свердловск за полтысячи верст, трясясь в кабине грузовиков по ухабистому тракту. Все кишки выворачивала такая дорога.

Это было спасение, свобода. Рита забрала дочь из приюта и определила в местную школу – как раз подоспело время идти в нее. Жены начальников молились на Риту, а она еле сдерживалась, когда приходила в их уютные финские домики на живописном берегу реки Турьи и видела там свои собственные вещи, вывезенные из Китая. Надо было терпеть, и она терпела, лишь бы эти ненавистные ей женщины помогли переквалифицировать статью для мужа. К тому времени, когда наконец это произошло, Кива подхватил уже туберкулез в тюрьме, и морально его сломали. В придачу еще и цинга, она крушила всех подряд. Рита с Кивой лишились всех зубов, а Лильке повезло, в школе детям давали пить омерзительный отвар из иголок пихты или еще чего, она не могла

объяснить, но тоже очень горькое. Только зубы у нее от этого были с неприятным коричневым налетом. Что делать, зато здоровые.

Я не заметила, как проскочила эти несколько кварталов от нового Лилькиного жилища, и была уже совсем близко от дома, напротив трамвайного круга. Увидела телефон-автомат, решила:

все-таки позвоню Лене, расскажу ему про звонок в милицию, не убьет же, отругает, так и быть, он отходчивый. На удивление он был миролюбив:

– А я знаю, мне уже сообщили. Молодец, за людей заступилась, – дядька был не похож на себя, редко когда от него дождешься похвалы. – Я попросил ребят, чтобы приглядывали за этой квартирой, там сплошная шпана, наверное, еще мои старые клиенты.

Меня подмывало спросить его о Лилькином отъезде, для него тоже ведь не очень приятная новость, однако сдержалась, сейчас не к месту, в следующий раз.

– А хлопцы-то клюнули на тебя, понравилась им, – дядька сам неожиданно сменил тему, – симпатичная, говорят, у вас племянница, Леонид Павлович. Скажи матери, чтобы, когда сможет, заглянула к нам, разговор есть.

Не знаю, для какого разговора он приглашал маму, может, тоже связано с Лилькиными делами, мол, постарайтесь поменьше якшаться с ними, кто знает, как все повернется. Если так, то бесполезно, дорогой Леонид Павлович, сестра

твоя старшая не из трусих, какую оккупацию пережила, а это – уедут, не уедут – чепуха. Мне неожиданно стукнуло в голову, что однажды, когда я была в гостях у Лильки, по телеку показывали сюжет о фашистском лагере, не помню о каком, кажется, о Майданеке. И вдруг ни с того ни с сего, сидя к нам спиной, ни к кому не обращаясь, Рита Евсеевна как вскрикнет: «Когда насилуют женщин охранники мужчины, это отвратительно, но не смертельно, а когда так изощряются суки-бабы, лучше бы сразу убили. Молодые женщины после этого накладывали на себя руки сами. А я выдержала». Она утвердительно, как в гипнозе, закивала головой.

Мы с Лилькой сначала замерли, потом в ужасе переглянулись. Рита Евсеевна, кажется, даже не заметила, что только что сказала, она продолжала, вся изогнувшись, как зверь перед прыжком за добычей, смотреть на экран. Вот так, изловчившись, они прыгнули из Краснотурьинска в Одессу. Как им удалось вырваться с этой каторги, где даже местное лагерное начальство больше двух лет не задерживалось, а любыми путями переводилось на новые места службы, оставалось тайной за семью печатями. Вместе с ними в Одессу прикатила одна из заболевших начальственных жен. Я так понимала, что Лилькина мама у этой тетки была домработницей.

У Лилькиного отца была уже открытая форма туберкулеза, и ему тоже дали направление в Одессу на лечение. Книжки, над которыми Кива дрожал, собственно, из-за которых и рискнул поехать в Россию, несколько лет валялись в неотап-

ливаемом сарае. Что-то украли, какая-то часть пошла на растопку, лишь несколько книг достались школьной библиотеке. У вконец измученного тяжелой болезнью Кива сил, чтобы что-то изменить, не было, врачи оказались бессильны, вскоре он умер, оставив Рите и Лиле лишь некоторые носильные вещи, которые удалось все-таки вернуть. Лицованные-перелицованные, они донашивали их вплоть до самого отъезда.

Пристроились Лилька с мамой жить на даче, у той самой жены бывшего начальника из Краснотурьинска; она за копейки приобрела эту развалюху на Педагогической улице. Ее потом снесли, как и другие подобные лачуги вокруг, освобождая территорию под новое строительство, и только тогда Гуревичам выделили эту комнату с балконом в четырехкомнатной квартире. Рита Евсеевна пыталась найти работу, с ее то прекрасным знанием иностранных языков, думала, будет несложно. Но всюду ей деликатно отказывали. И не придерешься, не пятый пункт вроде бы причина, нет нашенького диплома о высшем образовании. Кое-как пристроилась женским мастером, да не в обычную парикмахерскую, а в знаменитую на всю Одессу в начале улицы Карла Маркса, бывшей Екатерининской. Иногда, заглядывая к нам в школу, Рита Евсеевна заговаривала с нашей «англичанкой» и приходила в ужас от ее «языка».

– Чему она вас учит с ее жутким произношением, неужели университет закончила? – смех ее был грустный, сквозь

слезы. – Если хотите, я с вами позанимаюсь.

По сей день жалею, что такой возможностью не воспользовалась.

Круизные суда не часто, но заходили на стоянку в Одесский порт, иногда на сутки, двое. Туристы растекались по городу, и кто-то из женщин обязательно натыкался на эту парикмахерскую, и, конечно, не обходили ее, заскакивали, чтобы привести себя в порядок после соленой воды и морских ветров. Вальяжно, с понтом под зонтом, развалившиеся в креслах «веерные мальчишки» с улицы Бебеля изображали из себя ожидающих свою очередь клиентов, а сами краем глаза наблюдали, как Рита делала иностранкам перманент, легко общаясь с ними на их языках. И ведь не понимали ни фиги, зачем тогда сидели? А вдруг они положат Рите в кармашек валюту. Или еще чего-нибудь у нас запрещенное. Риту после всего пережитого было уже не провести, дам она сразу предупредила – расплачиваться не с ней, а через кассу. Нет рублей? Это уже не ее забота.

Прошу прощения у читателя, но снова вспомню поговорку – пришла беда, открывай ворота. Какого черта Риту Евсеевну вечером потянуло на старую квартиру, один бог знает. Как она потом объясняла, вспомнила, что в ванной забыла большой китайский эмалированный таз, в котором они с Лилькой мылись и стирали. Конечно, никакого таза уже в помине не было, ему давно приделали ноги, как только их выселили.

Выходя из парадной, которая вся перекосилась и ступеньки разъехались во все стороны, она оступилась и упала. Да так неудачно, что сломала шейку бедра. «Скорая» забрала ее в больницу, а мы ничего и не знали. Я припозднилась на работе, но все равно, вырвавшись, понеслась к Лильке. Дверь мне открыл тот самый Серега, удивительно трезвый. Завидев меня, он был сама вежливость: заходи, заходи, не стесняйся, только их никого нет, как днем упорхнули, так больше не объявлялись. Я простила ему обращение на «ты», оставила записку и полные авоськи у их комнаты, не тащить же это все добро к себе домой.

– Не беспокойтесь, мы не тронем, свое все есть, хотите, угостим? – проводил меня до выхода Серега.

Куда это Лилька подалась? А Рита Евсеевна где, опять до ночи торчит в своей парикмахерской? Как только я поняла, что Лилька говорит, когда на следующий день она дозволилась до меня, не знаю. Сбивчиво, заикаясь, вся в плаче, пыталась рассказать. Мистика какая-то. Получается, дом им мстит за то, что они проклинали его. То, что треснул, потом чуть не обвалился, вышвырнул их из своего чрева, – всего этого оказалось мало. Теперь вот и покалечил в придачу. У меня все валилось с рук, в башку лезли разные черные мысли о потусторонних силах. А мы еще сколько подтрунивали над бабкой, когда она нам пыталась внушить об их существовании. Прости нас, бабушка, ты права. Поцелуй за мной, когда вернусь домой.

Лильке выдали больничный по уходу за матерью. Я приносила эти больничные в кадры, изображая свою непричастность к событиям. Наш начальник отдела кадров больше на меня не орал. Его помощница Людочка мне шепнула на ухо, что таких намылившихся уехать, как моя подружка, уже человек двадцать.

– Оля, смеяться будешь, все они числились у нас русскими с русскими фамилиями, а теперь где-то откопали метрики из синагог. Лилька твоя честная, а эти... Ведь почти все коммунаки, лучшие люди базы.

Девушка хотела еще что-то сказать, но только махнула рукой. Раздался звонок, она сняла трубку:

– Его нет. Он мне не докладывает. Где-то в городе.

Людочка кивнула в сторону кабинета начальника:

– Таскают его, как будто это он во всем виноват, столько швали на базе обнаружилось. Он теперь со своим портфелем не расстается, носит в нем списки неблагонадежных.

– А наша Лилька там есть? А кто еще?

– Мне откуда знать, начальник буркнул, что много. Не переживай, тебя там точно нет.

Как меняются все-таки времена. Вчера еще все благонадежные, а сегодня чуть ли не враги народа, скрытая контра под боком, утаивали, подлюки, свои настоящие фамилии, меняли по десять раз. Всех подряд теперь из-за них теребят, чистка по полной. Кто подал заявления, срочно увольнять к чертовой матери, еще надо из комсомола, из партии исклю-

чить, благо, что пионерский возраст проскочили, а то бы и оттуда помели.

– Людмила, вот ты говоришь, сколько говна всплыло, гнать немедленно всех. А жить им на что, если волчий билет сунут? А у них дети. И вообще, не подумала, почему уезжают, бросают все. Засунуть бы тебя в еврейскую шкуру, посмотрела бы тогда на тебя. Лилька с мамой не от хорошей же жизни уматывают.

– Вот и ты туда.

– Да я никуда, я на месте.

Вроде и ничего не происходит, солнце как всходило, так и всходит. Люди живут обычной жизнью, и все-таки в воздухе чувствовались перемены. Еще недавно, подходишь к двум беседующим, так они моментально замолкают, не впускают третьего в свой разговор. На работе общение лишь по службе, редко всплывало что-то личное. Я тоже, как предупреждал кадровик, избегала заводить приятельские отношения. Объяснение этому находилось. Новенькая, разный возраст, мне двадцать четыре, а этим мужикам за сорок, какая у меня с ними дружба. Compliments и сожаления, что очень жаль, что я родилась «гойкой», а то взяли бы меня в жены к своим племянникам или сыновьям. У моей наставницы другое, старожил, многих знает, а они ее, и то она обычно выходила из кабинета и тет-а-тет общалась в коридоре.

Каждый день расползались сплетни о том, что еще один уволился, а другого с семьей вчера пол-Одессы провожали

на вокзале. Описывали душераздирающие сцены прощания с родственниками, которых еще не выпустили. В общем, все как в сорок первом, никто не знает, чем все закончится. Голова пухла от всех этих разговоров на бесчисленных совещаниях, что их проклятый Запад заманивает райской жизнью, а на самом деле из них выпьют всю кровь, из этих дураков, и выкинут нищими на свалку. Леонид Павлович предупредил, чтобы я не смела рыпаться на эти проводы ни при каких обстоятельствах; там всех ставят на учет, они-то свалют, а нам здесь жить, понимаешь? Как уж тут не понять? Точно о Лильке Леня говорит, я уже не сомневалась, почему он просит маму к нему домой заглянуть.

Нам по двадцать пять, мы с Лилькой одни из всей нашей большой фонтанской компании девчонок в холостячках, все остальные одна за другой повыскакивали замуж, нарожали детей и нянчатся теперь с ними.

Лилька пришла прощаться одна, без мамы. Рите Евсеевне вбили железный костыль в большую берцовую кость, и она шкандыбала еле-еле по комнате на костылях. Подружка с бабкой поджидали меня с работы на кухне. По ее зареванному лицу и бабкиным красным глазам все без слов было ясно. Мы с Лилькой закрылись в ванной, долго молчали, обняв друг друга, тяжелая минута – расстаемся навсегда. Слезы лились струей. Это она, Лилька, предательница, ее нужно гнать взащей, пусть прет в свой сионистский Израиль и не поганит больше нашу советскую землю? Да побойтесь бога,

это же неправда. Она – не предательница, так складывается жизнь.

Лилька уезжала в Австралию, до которой так далеко, что и представить себе трудно. Выпустили ее с мамой только после того, как родная Ритина сестра прислала заверенное у нотариуса приглашение с обязательством, что берет своих родственников, бывших советских граждан, на полное материальное обеспечение. Уже на лестничной клетке, в последний раз обнявшись, она шепнула мне:

– Если б ты знала, как мне грустно будет без тебя. Пришлю приглашение – приедешь? Ну, ладно, все, я пошла, гуд бай, – и быстро, не оглядываясь, сбежала по ступенькам.

Мне уже четверть века. Целая четверть, двадцать пять лет. У меня ни собственной семьи, ни молодого человека, только старенькая бабушка, больная мама и такая же, как и я, одинокая старшая сестра. И никаких перспектив, одна работа, без которой нашей семье не выжить. Ах, да, есть еще вечный кавалер Юрий Воронюк; в очередной раз освободившись от уз Гименея, он прискакал на Фонтан в гости. Когда узнал, что Лилька укатила в Австралию, никак не мог успокоиться:

– Дурак я, вот на ком надо было жениться.

Как теперь Лильке сообщить об этом? Поздно, Юра, ты так нравился моей подружке.

Через год из Сиднея от Лильки пришло письмо со снимками и приглашением на ее свадьбу. Она выходила замуж за Филиппа Соломона и через тройку месяцев будет уже не

Лиля Гуревич, а миссис Лили Соломон.

Мой дядька был в обморочном состоянии. В приказном порядке запретил мне отвечать ей.

Немало лет, ежегодно в день ее рождения первого августа, я доставала ее то первое и последнее письмо из Австралии. Фотография заметно пожелтела. На ней моя Лилька снялась на фоне двухэтажного особняка с бассейном, в окружении экзотических растений. Моя подружка была в шортах и, чувствовалось, вполне довольна жизнью.

Казалось, судьба навеки нас разлучила, но я ошибалась. Мы вновь встретились через ту же четверть века, которая когда-то загоняла меня в глубокую печаль. Теперь нам уже было по пятьдесят. Это уже другие времена, как говорит, завершая свою телепередачу, Владимир Познер.

Мой муж, спортивный журналист, отправлялся в Сидней на Олимпийские игры. Я с такой надеждой провожала его, все уши прожужжала, чтобы он обязательно нашел мою Лильку Гуревич-Соломон. Мужа с удовольствием приютила у себя в своей трехкомнатной квартире одинокая пенсионерка, бывший киевский врач. Он рассказал ей мою историю, она посоветовала подать объявление о розыске в местную русскоязычную газету и сама же сделала это. На следующий же день к Бете прибежала ее одесская знакомая Рита и, вся в радостных эмоциях, стала кричать, что знает, где живет Лилька, буквально в двух остановках городской электричкой от них, что училась в школе вместе и с Лилькой, и

с Фатимкой, знает и меня, и вообще знакома со всей нашей одесской кодлой. Словом, моя подруга была найдена в тот же день, а на следующий они встретились с Мишей, и уже поздно вечером у меня в Москве раздался телефонный звонок:

– Оля, это я, Лиля, Лиля Гуревич говорит.

Она строчила как из пулемета, путая русские и английские слова. Поверить, что так щебечет моя подруга-заика, я не могла, и сдуру, конечно, принялась ее экзаменовать, помнит ли она это, помнит ли то.

– Оля, ты не веришь, что это я? Меня от заикания здесь за год вылечили.

Мы и не заметили, как проболтали часа четыре, трубка, мне показалось, даже раскалилась от нашего разговора. Говорили обо всем, только не о ее прошлой паскудной жизни – Лилька попросила. Вспомнила где-то услышанный афоризм: не стоит возвращаться в прошлое – там уже никого нет. Как точно. Она уже знала, что я всех перехоронила – и бабушку, и маму, и Аллочку, и Леню.

– Оля, у меня тоже недавно умер муж, а мама, слава богу, жива.

– Лилька, Рита Евсеевна здравствует? Дай ей трубку.

– Она не со мной живет, в специальном доме для пожилых людей. Ей нужен постоянный уход, а я работаю, дети учатся, у них уже своя взрослая жизнь. У меня двое, Симон и Кевин. Оля, какая Настенька у тебя красивая, вся в тебя, Миша фотографию показал. Сколько ей? Девятнадцать? Пусть к нам

приезжает учиться.

– Лилька, ты истратишь кучу денег, мне неудобно. Продиктуй свой номер, я перезвоню.

– Нет, подруга, эту роскошь я могу себе позволить. Знаешь, что меня больше всего поразило? Ты-таки тоже уехала из Одессы. Я сюда, ты в Москву. Я когда-то так мечтала жить в Москве, не вышло. Рада, что ты мою мечту осуществила.

– Судьба, Лилька, у каждого своя судьба.

Ровно через год мы сидели в ее сиднейском доме в Ашфиль-де, так же крепко обнявшись, и так же долго молчали, как тогда при расставании в ванной, плакали и не стеснялись слез. Тогда это были горькие слезы, теперь – слезы радости. Наверное, это тоже судьба – встретиться через двадцать пять лет, нет, даже через двадцать шесть. Еще спустя год Лилька на моей подмосковной даче, сияя от счастья, слушала русские народные песни, которые так задушевно пели мои соседки Валентина и Мария. Муж на лужайке перед домом колдовал над мангалом, и дымок от него, как одесский туман над черноморской волной, расстилался по-пластунски по стриженому газону и уползал к сливовым деревьям и за густые кусты с черной и красной смородиной и крыжовником. Лилька, глядя на меня, помогала нанизывать на шампуры куски замаринованного мяса, прокладывая между ними овощи; ей, чувствовалось, не терпелось вновь ощутить во рту давно забытый вкус настоящего шашлыка. А пока под пельмени, картошечку в мундирах с селедкой, квашеную капу-

сту, приправленную клюквой, и ядреные, собственного засола огурчики и помидоры мы своей женской компанией «расправлялись» с графинчиком водки.

Я наблюдала за Лилькой, с каким удовольствием, причмокивая, подружка уплетала за обе щеки национальную русскую еду и совсем не морщилась от национального русского напитка. Мне показалось, что Лилька напрочь отключилась от своего австралийского бытия, совсем забыла про эти тридцать часов долгого перелета; она была на седьмом небе, которое в этот теплый летний вечер темно-синим ковром повисло над шумящими от легкого ветерка березами и все затянулось звездами.

– Лиля, скорее иди сюда, посмотри, какое чудо, где еще такое увидишь?

Огромный бордовый шар медленно сползал с небесных высот и так же не спеша, освещая окрестности последними лучами ушедшего дня, садился где-то за стеной древнего Иосифо-Волоцкого монастыря, куда мы подружку возили накануне, показывая панораму, на фоне которой Сергей Бондарчук снимал горящую Москву для «Войны и мира».

– Лилька, ты представляешь, у нас закат, а у вас там, в Австралии, рассвет. Новый день начинается, что он нам принесет?

– Оля, ущипни меня. Неужели это правда – и эти звезды, это солнце приплывают к нам отсюда, с твоей дачи?

– Наверное, наоборот, но какое, Лилька, это имеет сейчас

значение. И эти расстояния, и годы разлуки, когда мы с тобой опять вместе. А в Одессу не тянет смотаться?

– Не согласишься – тянет. По Приморскому бульвару и Дебрибасовской прошвырнуться, на Привозе поторговаться, с Фаткой повидаться. Сколько лет, сколько зим. А не знаешь, Юрка Воронюк жив?

Я почувствовала: моя Лилька оттаяла.

Встречи, расставания

А годы летят, наши годы, как птицы летят. Мне уже двадцать семь лет стукнуло. Для женщины уже что-то. На работе отметили, надарили подарков, цветов. Дома ограничились скупыми поцелуями и поздравлениями. Со своим женатым другом сходила в ресторан – и все.

За унылыми рабочими буднями не заметила, как лето проскочило. Ну и ладно, зато наступила мягкая, любимая всеми одесситами тихая теплая осень. В тот день я сражалась в стройбанке за выделение нам ссуды на строительство еще одного промышленного холодильника для хранения фруктов и овощей. О родных одесситах, между прочим, заботились, чтобы у них до следующего урожая хватало и картошки, и лука, и яблок. Прицепились к моим расчетам окупаемости, пришлось сражаться за каждую циферку. Намучилась; пока убедила, меня уже всю трясло, вышла злая, уставшая.

Возвращаться сразу в контору не хотелось. Такой чудесный день, а из-за своей работы ничего вокруг не вижу. Чуть свет на базу, поздно вечером обратно. Без просвета день за днем, год за годом. Раз уж в центре оказалась, решила пройтись по любимым с детства местам, обязательно нахлынут какие-то воспоминания. В конце Приморского бульвара дворец Воронцова, сюда нас, первоклашек 45-й женской школы, привела моя первая учительница Варвара Петровна. Тогда в

этом здании был дворец пионеров. Дома сохранилось фото: мы веселой гурьбой толчемся на этих ступеньках. Вот «тещин мост», по нему к моему институту можно теперь пройти напрямик. А эти камни, выложенные у обрыва, должны помнить меня, как я часто бегала в большую институтскую перемену, чтобы посмотреть на порт. Глупая влюбленная студентка, вся еще в своей первой любви. Что я только не шептала обветренными губами. Где ты, мой капитан, в каких морях-океанах ходишь, чувствуешь ли, как я жду тебя? Пора, наконец, нашей тайне раскрыться, пусть все узнают о ней. Девичья наивность, первая влюбленность. Мечтала увидеть «Алые паруса» гриновские, а получила первое крещение: мечь мужским коварством. Теперь-то мне смешно, а вот тогда...

А эта скамейка на бульваре памятна тем, что на ней фарцевал в свое время Сенька-гнида, приторговывал сигаретами и пластинками. Говорили, он женился и эмигрировал, как многие другие мои знакомые и друзья. Моя закадычная подруга Лилька Гуревич уже обжилась с мамой в Австралии. Там вышла замуж, родила. За эти годы пол-Одессы сбежало. А кто не успел выехать, того загребли... или того хуже. Иду по родному вроде городу, а он как чужой, ни одного знакомого лица. Порт внизу бурлит, наш неутомимый одесский вечный труженик. Скольких лет дедушка мой здесь отбарабанил, орден Ленина заработал. Их всего несколько человек в пароходстве тогда такую награду получили. Самое крупное во

всем мире – Черноморское пароходство, больше всего прописано в нем судов. Где-то на них ходят в рейсы мои бывшие кавалеры школьных и студенческих лет. Как все это давно было, как в прошлой жизни.

Куплю мороженое, присяду, посмотрю на людей. Скамейки, как всегда, почти все заняты. Молодые мамы с колясками расположились. Еле нашлось местечко, рядом с упитанной рыжеволосой теткой с девочкой, по всей видимости, первоклашкой. И мамочка, и девочка были одеты как типичные морячки. Здесь в это время всегда жены моряков собираются. Друг у друга узнают, где, в каких водах суда, на которых плавают их близкие. Девчонке не сидится на месте, все время крутится. Мамаша ее ругает, не стесняясь в выражениях. Краем уха услышала, как она выговаривала ребенку:

– Успокойся, посиди, сейчас он пройдет медкомиссию и вернется. Я ему все расскажу, как ты себя ведешь, бесишься, меня не слушаешься.

Чтобы не привлекать к себе внимания, я надела солнцезащитные очки и сквозь них увидела приближающегося к нашей скамейке мужчину. Девочка крикнула: «Он идет!» – и бросилась к мужчине навстречу. Я обалдела – это был мой старый знакомый, скромный паренек из высшей мореходки. Встать и немедленной уйти, хоть бы он не узнал меня. Тем временем моряк с ходу стал отчитывать, вероятно, жену, что она так далеко от поликлиники уперлась, еще дальше не могла усесться. Он искоса посмотрел на меня, но скорее не на

лицо, а на ноги. Еще один такой взгляд – и... Не знаю, что будет с моим сердцем, оно рвалось наружу, удержу ли.

– У меня еще дела, в пароходство заглянуть надо, а вы не ждите, топайте домой, – выпалил он и снова скользнул по моим ногам. Ну, молодец, каким ты стал, никогда бы не подумала, скромный мальчик, а выходит, какой казак лихой, волк морской. Смотри, смотри, благо есть на что посмотреть. Своей красавицей можешь сравнивать. Мне стало смешно. Это же надо, такая встреча. Моряк еще что-то буркнул, развернулся и пошел в сторону улицы Ласточкина. Я поднялась и пошла следом, чуть поодаль, чтобы он меня не заметил. Подумала: была не была, нагоню его на своих высоченных каблуках у входа Черноморского пароходства.

– Владик, Владик, здравствуй!

Он остановился:

– Вы меня? Мы знакомы? Постойте, постойте, я с вами плавал? Лицо уж больно знакомо, но не могу вспомнить. На каком судне мы ходили, когда?

М-да, даже злость прошла:

– Плавали между Шестой станцией и Аркадией.

Я сняла очки.

Девять лет, как в сказке пролетело.

Так наливай, чайханщик, чай покрепче.

Много роз цветет в твоём саду.

За себя сегодня я отвечу.

За любовь ответить не смогу.

– Олька, Оля, ты?

– Узнал? Молодец.

Влад отступил на шаг. Даже со своим крабом на голове он был ниже меня ростом.

– Ты так похорошела, выросла, я бы тебя на улице не узнал.

– Это туфли на платформе, а я все такая же.

– А кто у тебя муж? Плавает?

– Я не замужем, в старых девах хожу.

– Как так? Вот уж чему никогда не поверю.

– Такого, как ты, больше не встретила.

Он как-то неестественно улыбнулся, блеснув несколькими золотыми зубами.

– Я сейчас занят, может, встретимся сегодня попозже, поговорим. Нет, давай сейчас посидим где-нибудь, вспомним молодость.

– Молодость? Я еще считаю себя молодой!

– Узнаю тебя: все такая же бритва острая. Я перед тобой не виноват, но никак не думал, что ты одна останешься.

– Владик, я пошутила. У меня прекрасный муж, и все очень хорошо. Всего доброго, я пошла. А тогда мы правильно поступили, что расстались.

– Умоляю, не отказывайся, мне есть что тебе рассказать. Пойдем на Морвокзал.

Под ложечкой у меня давно уже сосало, очень хотелось есть, как тогда ему, когда мы оказались в ресторане-забега-ловке в парке Шевченко и нашкрябали денег на купаты в компании его сокурсников.

А почему бы и нет, я согласилась. Мы двинули по Пушкинской, было уже около трех часов дня. Мы шли на рас-стоянии, друг на друга потихонечку поглядывая и обмени-ваясь впечатлениями, как много чего изменилось и в городе, и в жизни. Он пытался ухаживать за мной на третьем курсе, но год для этого был неудачным. Я была глупо и безнадеж-но влюблена во взрослого водоплавающего, и посему Владик тогда никак не мог стать героем моего романа, хотя стремил-ся к этому.

– Я обманула, у меня нет мужа. Я старая дева. Нет, непра-вильно: старая, но не дева.

– Действительно, какая же ты старая, ты в самый раз.

Это для чего в самый раз? Не стесняйся, Владик, договаривай. Смотри, каким ловеласом заделался.

Несмотря на мои моднучие темные очки, которые я не снимала, бармен Игорек усек меня и постоянно косился на наш столик. Вскоре на арену вырулил и их складской дея-тель. Узнали... Знакома я была с ними еще с Хуторской. Сейчас растрезвонят на всю Дерibasовскую, как пить дать. Да пошли они все к такой матери. Я потягивала через соло-минку коктейль «Одесса», потом еще один бокал заказала. Для храбрости. Эх, я сейчас этому выпедрежному мальчиш-

ке все выложу, по полной программе.

Передо мной сидел обыкновенный деревенский паренек, хоть и окончивший «вышку» и плавающий за границу. Каким он был в мореходке, таким и остался. Молодец, что добился и плавает, так я и не поняла, не то вторым, не то третьим помощником капитана. Вкальвает, на суше почти не бывает, старается из рейса в рейс бесперебойно ходить. Построил кооператив. Так гордо об этом заявил. Жену на работу не пускает, пусть дома сидит, за дочкой смотрит.

Мне уже порядком надоело слушать, сколько чего он из какого рейса привез. Какие рейсы выгодные, а на какие лучше не попадать. Про себя я подумала: «А знаешь, дорогая Олечка, в принципе ты была тогда права».

Смогла бы ты жить жизнью его жены? Похоже, что он чувствует себя богом, как бахвалится. Да, для этой женщины с репаными пятками он – бог. А меня уже тошнит от него. Внешне очень симпатичный, такие нравятся женщинам. С возрастом станет еще больше привлекательным. Да ты никак клеишься, помощник капитана. Нахально предлагает поехать в их гостиницу на проспекте Шевченко, продолжить такой приятный вечер.

Ну, дает, помощник. Видно, привык к своей неотразимости. Угостил кофе с коктейлем и уверен в своей победе. Делать мне нечего. Всю жизнь только и ждала этого деревенского помощничка.

– Владик, ты что, серьезно? Не смейся.

– А почему бы и нет? Ты же не замужем? Можешь себе позволить...

Я разошлась не на шутку, не остановить. Говорила, что жена его, по всей вероятности, пэтэушница, на повариху или горничную выучилась, в Одессу из села пришкандыбилась подхватить любого моремана. А здесь такой случай подвернулся, юный Владик. Что, попала в точку? К концу рейса она уже округлилась, не отвертишься, по парткомам за аморалку затаaskaют, с судна спишут. Поправь, если ошибаюсь. Это типичная судьба всех моряков.

Я допила свой коктейль, медленно поднялась:

– Мне надо идти.

– Всего хорошего, Ольга Иосифовна, приходите еще, всегда рады, – бармен помахал мне рукой.

– Тебя здесь все знают, чем ты занимаешься, не могу понять?

– Та, ерундой разной, у меня нет же мужа помощника капитана, самой приходится крутиться.

Уже стемнело. Зажглись фонари. Мы шли по пирсу, пробиваясь сквозь толпу людей, спешащих на посадку на сверкающий огнями круизный лайнер. А ведь где-то неподалеку качается на волнах катерок «Старшина Приходченко». Дед, тебя давно нет, но как же мы все тебя любим! Краем глаза увидела машину нынешнего своего кавалера. Все-таки продал меня бармен. Ну, держись, Игорек, долг платежом красен.

– Владик, меня встречают, разреши откланяться. Семь футов тебе под килем.

– Куда ты? Мы ведь только встретились. Я хочу тебя еще увидеть.

– Зачем? У тебя прекрасная жена, главное, достойная тебе пара.

Я села в машину.

– Ну, что ты можешь сказать в свое оправдание? – на меня в упор уставились неотразимые синие глаза, обрамленные густыми ресницами, и ехидно скривленные губы. – Зачем пила с этим типом? Кто это?

– Старый знакомый, еще с института, а что? Какие проблемы? Что за вопросы? Тебя что-то волнует? Мне тоже, дорогой, много чего не нравится, но я же не устраиваю тебе обеды, не выговариваю тебе свои претензии. Ладно, поехали, раз приехал, я устала.

– Ты сегодня не в себе, какая-то не такая. У тебя был с ним роман? Или бурное свидание?

Я смеялась – ревнует. Поревнуй, поревнуй.

– Глупости не неси, с ним на втором или третьем курсе встречалась моя подружка по институту. Он меня все о ней спрашивал.

Мы целовались с любовником, когда причаливали к очередному светофору, я смеялась, пела пьяным голосом:

Ах, гостиница моя, ты гостиница.

На кровать присяду я, ты подвинешься.

Занавесишь ты ресницы занавескою.

Я всего на час жених, ты – невестою.

Я без умолку болтала. Видно, коктейль «Одесса» был для меня персонально приготовлен, без обмана, плюс на пустой желудок – вот меня и понесло.

– С чего бы это ты такая веселенькая? – мой возлюбленный закипал вместе с перегревшимся мотором своего выдавшего вида «москвича».

– Кредит в банке выбила на новый холодильник для базы, вот и гуляю. А тут и с этим водоплавающим случайно на углу Пушкинской столкнулись, очень давно не видела, он меня сначала даже не узнал. Ты что ревнуешь? Поехали скорее, я так соскучилась. Смотри, залюблю тебя до смерти!

– Все обещаете и обещаете, Мегера Ёсифовна, так я верю, как тот поц, и жду.

Я не могла остановиться, смеялась до слез. Наверное, еще коктейль не улетучился, или поняла, какой душой была в молодости, таких хороших ребят в упор не видела. Вон каким стал красавцем помощник капитана.

– Останови, пожалуйста, машину. Останови, я кому сказала!

– Что случилось? Тебя тошнит? Набухалась с этим мореманом? Что у тебя с ним было?

– К сожалению, ничего, дорогой, но и ты совершенно сво-

боден. Прощай, не звони мне больше.

– Так, начинается. Какая вожжа тебе на сей раз под хвост попала? Мне тоже все надоело, я из-за тебя семью свою забросил, сына.

– Останови машину, я кому сказала?

– Запомни дорогая, я больше бегать за тобой не буду. Пошла ты...

Я шла по улице и ревела, не обращая ни на кого внимания. Пока пешком добрела домой, успокоилась. На лестничной площадке у входа в квартиру напялила на себя маску счастья и захлопнула за собой дверь. Сегодня моя старшая сестра будет ночевать у себя в новой однокомнатной квартирке на Черемушках, а я усядусь на ее диван с кроссвордом из свежего номера «Огонька». Какое счастье быть свободной, независимой от всех. Устала.

Следствие ведут не знатоки

Сегодня с утра мне опять топать по давно забытому маршруту. Опять доезжаю 18-м трамваем до телецентра и топаю по Артиллерийскому переулку до Черноморской дороги. Каждый раз вспоминаю курсанта этого училища Витю Агеева, второй курс своего института и наших несколько свиданий с его признаниями в любви. Почему мне запомнились его красные уши? Да еще до пола длинная шинель со специфическим казарменным запахом вещей, которые редко проветривают. Вот уехала бы тогда с новоиспеченным офицером и совсем другая была бы у меня судьба. Красивый, высокий и, главное, хороший скромный курсант-выпускник. Больше, пожалуй, таких интересных парней в моей жизни и не встречалось.

Тогда я думала, что со временем он обязательно будет похож на Григория Мелехова из «Тихого Дона». Зацикленная на кино и книжных романах, я, как полоумная, ни о чем другом не могла ни думать, ни мечтать. Так и промечтала весь институт. А после его окончания мне попадались все какие-то шибздики. Стала бы офицерской женой, нарожала бы ребятишек и носилась бы со своим офицером по просторам родины чудесной, по разным гарнизонам и весям необъятной страны. А что, чем плохо на Камчатке или куда-нибудь за Урал с Сибирью забраться, а если совсем повезет, то

и Европу посмотреть, служил же Фатимкин отец в Венгрии, а у Светки Барановой – в Германии, и жили они не тужили, не бедно жили. Тогда и всем моим романам не суждено было бы сбыться. И не знала бы никакие овощные базы ни на Хуторской, ни на Моторной, где оказалась после института.

Но сегодня мой путь не на работу, а за железные ворота, напротив одесской женской тюрьмы. Хорошо хоть пока не в саму тюрьму, где уже не первый год томятся сотрудники базы. Здесь, за этими воротами, в неприглядных комнатках хранятся папочки с документами, изъятые в ходе следствия по нашей конторе за предыдущие годы. Своих одесских следков не хватило, привлекли со стороны, черти, откуда только не приехали разгребать одесские дела, выискивать преступления. И хоть бы специфику знали, не обязательно большие грамотеи в хранении и продаже овощей и фруктов, но чуть-чуть бы разбирались, что к чему. И не таскали бы нас тогда сюда по очереди.

Достается только складским бухгалтерам с учетчиками складов и тем, кто подписывал и был в комиссиях по вывозу гнилья на свалку и на корм скоту. По самим документам все как в аптеке, есть небольшие ошибки, промахи, но это все ерунда. Главный враг подозреваемых – их собственный язык. Люди по несколько лет под следствием, не выдерживают и сами себя оговаривают. Да подпишу все, только перестаньте мучать, а там, на самом справедливом в мире нашем социалистическом суде, выложу уже правду. Только бы

дали сказать, а то рот на полуслове заткнут, никого, ни свидетелей, ни адвокатов, слушать не станут, срок припаяют – и все. Виноват – не виноват, кого это волнует, кроме самих осужденных и их родственников. Потом, в судах повыше, может, разберутся, кого-то выпустят, но извиняться... Да вы что, смеетесь. И попробуй потом восстановись на работе или устройся на новую, докажи, что ты не вор, особенно если ты не коренной национальности, а дальний потомок тех, кого сорок лет водили по пустыне.

Складских бухгалтеров с учетчиками таскают с одним, а мне треплют нервы с другим: все папки нашего планового отдела тоже под арестом, их не дают забрать или хотя бы на время вынести. А как же работать, нам же данные нужны, голые цифры. Ничего не знаем. Нужны? Так переписывайте здесь, на месте. Целая проблема, смех и грех. Что в них секретного? Ах, да, вдруг капиталисты прознают, сколько выпустили нашей продукции за прошлый год или, того хуже, сколько мы начислили заработной платы и какая у нас производительность труда. Сижу за краешком узкого железного стола и под неусыпным оком переписываю необходимые мне цифры. Потом этот лист бумаги заверяю и получаю разрешение на вынос. Полдня как не бывало. Да если бы только это. А то еще и вопросыки разные задают, требуют что-то расшифровать, пояснить. Один чересчур дотошный все допытывался:

– Ольга Иосифовна, вот вы в мае 1970 года в комиссию

входили по вывозу отходов апельсинов. Не припомните, как это было? И поподробнее, пожалуйста. Вот дожили, – вежливость мгновенно улетучилась, в голосе жесткие нотки, нащупал слабое место. – Вы слышали такое? Свиной апельсином кормить! Народ их не видит, дети даже вкуса апельсина не знают, а вы вот как размашисто подписали, и рука не дрогнула.

– А вы не допускаете варианта, что рука по делу не дрогнула? Нет?

– Интересно, что за такие дела, если ваша прелестная ручка с такими накрашенными ногтями не дрожит? Поделитесь, буду признателен и я, и все остальные, нам всем интересно.

– Вам подробно или вкратце, поскольку тут целая технология.

– Внятно, – металл в голосе нарастает.

– Сухогрузы-рефрижераторы доставляют цитрусовые в порт. Это – продукция Внешторга, ее проверяют его инспекторы, определяют качество, сколько стандарта, сколько нестандартта, каков процент брака. Если видят, что товар не может лежать, большое количество отходов, дальше нельзя транспортировать, иначе до Москвы или куда там доедут сплошное месиво, то тогда сбрасывают нам, Одессе достается такая продукция.

Дальше я подробно излагала про обезвреживание от разных опасных вредителей, про сорокадневную рефрижерацию либо фумигацию газом, что тару и упаковочный мате-

риал необходимо сжечь, в них могут быть бактерии, про другие операции до того, как отправить товар, тот, которым еще можно торговать, в розничную сеть. По выражению лица я видела, что человек многое из того, о чем я говорила, особенно когда употребляла наши специфические термины, не понимал, однако слушал, не перебивал, очевидно, оставляя вопросы на потом.

– Брак надо тут же удалять, он очень быстро заражает хорошую продукцию, а нестандарт мы пускали на переработку. На все это есть соответствующие нормативы, составляются акты переборки по каждой партии. Все видно, сопоставляйте, анализируйте и делайте выводы. Я подписывала документы только после такого анализа.

Я старалась выпалить все громко и четко, чтобы следователь уловил суть, а он вдруг начал хлопать глазами и чуть ли не замычал.

– Ну, это, допустим, понятно, – обрезал он меня, – мы это и без вас знаем. Но вот я просмотрел транспортные накладные, так вы товар скопом вывозите.

– Если знаете, зачем спрашиваете? – во мне стала просыпаться злость.

– Такая наша работа, мы спрашиваем – вы отвечайте. И пусть вам кажется, что мы по сто раз спрашиваем про одно и то же.

– Когда есть машины, собирается много отходов, тогда и вывозим. Не по одному же мешку вывозить. Топлива не хва-

тит, у нас на него лимит, за перерасход директор по башке крепко лупит, премии запросто лишит.

По правде я не могу вспомнить, что было в мае этого, 1974 года, а не то, что четыре года назад. За шесть лет, что тружусь на базе после окончания нархоза, в каких только комиссиях не участвовала, привлекали как молодого специалиста. Одновременно учишь и привыкай. Начинаешь тянуть резину, пытаешься вспомнить то, чего, может, и никогда не было. И все под пристальным взглядом, он пронзает тебя насквозь: смотри, не ври, а то, если поймаю на вранье, упеку за решетку, к этим бедным бабам в камеру. Лучшее средство для восстановления памяти – попросить у них документ с собственной подписью, чтобы хотя бы знать о чем, каком мероприятии конкретно речь, а там уже стоять на своем, и точка. Да, была, да, видела, при мне все было в порядке. Но не могу же я весь рабочий день торчать на весовой или еще где, меня ведь от основной работы никто не освобождал.

Одно я четко знала: в этом месяце меня опять бросили на очередную комиссию по вывозу отходов на корм скоту и свалку. Причем председателем, пора начинать ей работать, а я какой уж день вынуждена часами здесь просиживать. Кто виноват будет? Я или вы? Оформляйте повестку, что я сегодня находилась у вас. Хоть на дальнейшее у меня будет оправдательный документ.

– Хватит, Ольга Иосифовна, заливать. Вот в этот знаменитый совхоз апельсинок поросяткам подбросили, – следовательно

сует мне под нос мятую накладную. – Поросята, мне рассказывали, полакомились и, извините, обосрались. Так было? Не при вас этот товар отгружали?

– Не знаю, так или не так это было. От такого дерьма с нами и не такое могло случиться. Мы это вообще на свалку хотели вывезти, полная некондиция, а они уговорили: отдайте нам, свинок покормим. Свою машину к четвертому складу подогнали.

Чистыми девичьими очами, не моргая, киваю головой. Хорошо помню тот случай. Дождь в тот день лил, как из ведра, промокла вся до нитки, чуть не простудилась.

Этот четвертый склад на нашей базе самый обделенный, он целиком под овощи. Хранилища под морковь, свеклу, лук и картофель строили сразу после войны пленные немцы и уцелевшие одесситы. Запихивали туда под завязку все, что только можно, все подряд и в любом виде, лишь бы обеспечить выполнение плана закладки благодаря доблестному и мудрому руководству партийных и хозяйственных органов. Дело сделано. А сколько в этой массе гнили и прочего дерьма, никого не волнует. Пыль в глаза. Каждый за собственную шкуру печется, аж смотреть противно. Отстрелялась партийная братва, теперь вперед в очередь за медалями и орденами.

Ах, моя Одесса, до чего же ты странный город. Не медведь, не собирается на зиму в спячку погрузиться, как преспокойненько под снежком дрыхнет почти вся страна. Дал ей бог триста солнечных дней в году, всем бы радоваться, а этот

злополучный четвертый склад докладные каждый день строит, что холодильника одного мало, надо еще, температура в хранилищах зашкаливает, продукция потеет, как в финской бане, с потолка вода льется. Очаги загнивания по всему складу уже в ноябре. А как пару раз ударит хороший мороз, и вся эта мокрота сначала подмерзнет, потом оттает, впору все на свалку выбрасывать. Здесь и начинают искать вредителей, врагов народа. Это они, сволочи, все сгубили-уничтожили, а народ теперь чем кормить. Совещания за совещаниями, выговоры и последние и предпоследние. С институтов и предприятий силком гонят людей спасать хоть что-то, что еще можно спасти, выискивать в этом говне уцелевшую героиню-морковку. Тайно спасаем четвертый склад, подбрасывая ему цитрусовые, чтобы хоть было чем закрыться, отчитаться. Они в десять раз дороже, магазин толкнет их на раз, а распишут картошкой. Но ведь и цитрусовые тоже надо закрыть. А как? И на этот случай есть свой метод. В общем, рыба воняет с головы, да еще как воняет.

Месяц уже мурыжит меня следователь, с одним и тем же вопросом:

– Ольга Иосифовна, а на каком основании вдруг этот склад получил вагон лимонов, а потом преспокойненько выкинул почти все на свалку? С чего такой щедрый подарок, они даже с картошкой не могут управиться?

Мой следователь сияет, глаза поблескивают, сейчас, мол, расколю эту девку, не на того напоролась, сучка: «Ну, ну,

расскажите, а я послушаю».

Но и ты, уважаемый, не на ту напоролся, страх, конечно, какой-то есть, вдруг что-то не то ляпну или лишнее, а ему только этого и надо, зацепится и начнет ниточку из клубка тянуть. Но здесь не тот случай, рассказываю все, как есть, от самой печки, по цепочке. Про то, как полные товара вагоны то там сутки простоят и никто к ним не притрагивается, то еще где-нибудь, пока их к нам не впихнут распоряжением сверху. Оказывается, с самой разгрузки в порту от полученной продукции все отнекивались, и столовые, и рестораны, никуда негодная по качеству – «на тоби боже, шо мени не гоже». Гоните на Моторную, база все сожрет. Заталкивают к нам вагоны под вечер, когда холодильник уже закрыт, никого нет. А четвертый склад несчастный, он круглосуточный, уговаривают принять. Вот так и тот вагон, о котором следователь спрашивает, ему подсунули. А что ночью увидишь? Разгружают без товароведов, без комиссии. Хорошо, если утром сразу досмотрят, что привезли и в каком состоянии, но чаще к обеду, поскольку утром надо овощи в магазины подбросить. А лимоны – те сплошь в тухлятину превратились, жижу липкую, пока их валтузили туда-сюда. Только часть на переработку сгодилась, остальное – в помойку. За что же склад мордовать?

– Ольга Иосифовна, вам бы другую профессию выбрать, адвокат из вас то, шо надо, получился бы. Защищаете их, засранцев. А они уже без вас и ваших выкрутасов признались,

что вместо картошки апельсины гнали в сеть.

– Я при этом не присутствовала. Вы конкретно меня про вагон с лимонами спросили – я вам ответила. Я же не сижу целыми днями на этом складе, у нас же он не один. Может быть, им так сладко у вас, что сами себя оговаривают? Кладовщицу прямо в медовый месяц посадили, у вас там и родит. Девятнадцать лет ей всего, она даже года не отработала. Что она знала? Ловите тех, кто действительно виновен в этом бардаке, а вы все крайних ищите.

Он привстал надо мной и как загорланит:

– А кто виновен? Может, вы со своим руководством? Кто всем хозяйством командует? Шнеерзоны?

– У нас нет никакого Шнеерзона, – я не сразу врубилась, к чему он клонит.

– Хватает. Ты мне мозги не пудри. Целый список. Не Шнеерзон, так Цукерман или еще как-то. Их за дверь выпихивают, ногой по жопе, так они в окно лезут.

Следователь не на шутку разошелся, раньше сдерживал себя, не бранился, а тут весь покрылся испариной, побагровел. Внутри у меня все бурлило: Олька, заткнись, угомонись, пока не поздно, засунь свой язык в задницу. Ты же не знаешь, может, приказ такой от самых важных коммунистидильщиков в граде Киеве, по согласованию, естественно, со стольным градом Москвой. Взять! Почистить! Устроить показательный процесс на примере Одессы. Населению не хватает продуктов питания? Так вот кто виноват во всем, такое

важное дело провалили, пусть теперь отвечают по полной. А кто конкретно? Сейчас продемонстрируем. Ну, конечно, жида проклятые, кто еще, их на базе вон сколько расплодилось. Навострили свои лыжи на выезд, а перед отъездом народ голодом хотят заморить, себе карманы набить, хрен два, ничего у вас не выйдет. Вместо Америки или своего вонючего Израиля загремите на десяточку с конфискацией имущества. В городе уже открыто говорили: расправятся с торговлей, примутся за научно-исследовательские институты и прочих итээровцев. Там тоже этих гавриков с пятым пунктом хватает, разгуляться есть где. И за кавказцев затем обязательно возьмутся, в заначке они пока.

– Никакие у нас они не главные, товарищ следователь. На четвертом складе украинец, на холодильниках русские. А у тех, кого вы имеете в виду, головка еще как варит, базу спасают, когда нам дрэк поставляют, как те лимоны или дохлые помидоры с картошкой и нечего в магазины отгружать. Ребята из себя выходят, чтобы как-то дыру залатать, на стороне, по всей Украине рыщут, – пыталась робко вставить я свои две копейки, но только подлила масла в огонь.

– Опять в адвокаты заделалась, заступница нашлась. Головка варит, чтобы украсть, жирный кусок отхватить, – резко обрезал он меня.

– Я уже боюсь вам что-то возразить. Заглянули бы вы к нам на базу, увидели собственными глазами этот жирный кусок, какую иногда нам продукцию доставляют. Тухлятина,

вонища, хоть противогаз натягивай. Рук девочки не чувствуют, пока переберут этот товар, чтобы хоть что-то отсортировать для торговли.

– Ладно, адвокат, можете быть свободной. До следующего раза.

Смотрю, подписывает мне пропуск...

Бабушка будит меня теперь позже, чем обычно. Знает, к каким часам и где меня ждут вот уже какой день, и только глубоко вздыхает. Сегодня, пододвинув к себе поближе тарелку с манной кашей, я встретила с ее взглядом. Эти два больших блюда уже поблекших, выцветших влажных глаз смотрят так вопрошающе, но рот плотно сжат, бабушка не решается проронить ни слова.

Я обнимаю ее:

– Ну, баб, ну, не волнуйся, ничего страшного не происходит. Просто у них все наши предыдущие отчеты, а для анализа мне нужны оттуда цифры. Скоро, сказали, нам все вернут, кроме тех документов, которые в дело пойдут.

– А что в дело пойдет? – она так больно схватила мою руку. – Тебе что будет?

– Мне ничего, я же тогда еще ни за что не отвечала.

– А сейчас отвечаешь?

– Что ты, баб, и сейчас ни за что я не отвечаю.

Я сделала попытку начать кушать ненавистную кашу, чтобы прекратить этот разговор. Но бабушка не разжимала мою руку.

– Баб, не волнуйся ты так, я даже рада туда ходить, на целых два часа дольше сплю. Оттуда еще в кино сбегать успею.

Бабушка отпустила мою руку.

– Вижу я, какое ты смотришь кино. На балконе куришь до полночи, потом во сне орешь. Мать хотя бы пожалела, измаялась уже совсем. Увольняйся оттуда, жили раньше без твоей базы и сейчас как-нибудь проживем.

– Ладно, бабуля, буду подыскивать что-нибудь другое, только успокойся и маму с Алкой не заводи. Алка ты знаешь какая, все в себе держит, а накопится, вспыхнет, как спичка. Гаси потом ее нервный пожар.

Про себя подумала: надо выходить из дома, как обычно, чтобы думали, на работу пошла, а сама, по старой памяти, в «Вымпел» на первый сеанс, а уже оттуда к этому противному типу. Гнусный кровосос, пиявка, властью своею так и упивается. И он не один таких, их целая бригада. И мы враги для них, разоблачать нас надо.

Иду по Артиллерийскому переулку, еле ноги переставляю, не хотят слушаться, хотя за эти последние два года пора бы им привыкнуть. Интересно, что сегодня мне будут тыкать под нос? Что еще нарыли эти навозокопатели?

Предыдущая неделя закончилась моими письменными объяснениями по поводу незаконной выплаты тринадцатой зарплаты за 1969 год. Все допытывались, отчего мне дали лишь один оклад, а другим по три. Я-то откуда знаю, так начальство распорядилось, наверное, решило: молодой специ-

алист, одного ей достаточно. Из пустого в порожнее с понедельника по пятницу. Пустые разговоры, одно и то же талдычат. Чтобы человек устал, занервничал, выболтал ненароком что-нибудь лишнее. А зацепиться за случайно оброненное слово они большие мастера. Это удовольствие я поимела еще в самом начале вызовов сюда, и урок запомнила на всю жизнь. Больше меня на эту удочку не поймаете, не старайтесь. Считайте меня идиоткой, я согласна на любую роль в этом спектакле, который длится уже два года.

С маниакальной настойчивостью я твержу им, что, издав приказ о поощрении тринадцатой зарплатой, наше начальство руководствовалось исключительно постановлением партии и правительства. Это постановление – проявление заботы о тружениках советской торговли, оно стимулирует работать лучше, они должны быть материально заинтересованы в этом. В 1969 году база сработала хорошо, с прибылью, убытки свела к минимуму, план перевыполнила, город был полностью обеспечен фруктами и овощами. Наверху все довольны, так почему не премировать людей. А то, что лично мне выплатили только один оклад, так я еще мало отработала. Я и этому была рада, восемьдесят рублей не лишние в моей семье. И я вовсе не завидую тем, кто по три оклада получили. Они ведь трудятся на базе десять, а то больше лет, и характеристики у них отличные, на профкоме утверждали.

На рожу этого следователя уже смотреть не могу. Видно, в юности у него вся морда была покрыта гнойными прыща-

ми, как в народе говорят – хотелочками. Прыщи вывел, но остались глубокие синюшные затвердения. А эти его влажные липкие волосы и громадные руки, которые он не знает куда деть. Щелкает пальцами и дышит мне в лицо своим отвратительным запахом. Отворачиваюсь, чтобы не нюхать.

– Ольга Иосифовна, вы же курите, давайте устроим перекур. Вас своими сигаретами не угощаю, у меня нет «Мальборо», вы ведь к ним привыкли?

– Мне все равно, какие. Что есть, то и курю, не брезгаю и «Примой». Могу и табачок с махоркой. Во дворе мужики угощали. Терпимо, только кисловатый привкус во рту.

– Да вы всеядная, – следовательно сует мне ржавую банку из-под рыбных консервов с водой, заменяющую пепельницу. – Ну что, приступим, – медленно выдавил он из себя, когда мы загасили окурки. – Мы здесь раздобыли один документик, полюбопытствуйте. Почерк ваш, а подпись? Тоже ваша?

Он ткнул мне листок с расчетом амортизационных начислений все за тот же 1969 год. Я почувствовала прилив крови к голове. Это был первый документ, который мне доверили составить, когда я пришла в плановый отдел. После меня отчет проверяла и старший экономист, и наш тогда начальник планового отдела Мизинер.

– Кстати, вы не знаете, где сейчас ваш бывший начальник?

– Нет, не знаю! Вы меня уже двадцать пять раз спрашивали. У вас, наверное, содержится, как остальные.

– В бегах он, уважаемая Ольга Иосифовна, ваш умник

Мизинер Иосиф Львович, в бегах, и вы это прекрасно знаете. Поделитесь, вам это зачтется. Говорят, у вас с ним были доверительные отношения.

Он ехидно улыбнулся, подпер рукой подбородок и пристально взглянул на меня.

– Не собираетесь ли последовать его примеру, а то пора уже. У вас на сборы мало времени осталось. Будем все по совести рассказывать или опять дурака валять. Странно, очень странно получается. Вот два отчета – и две большие разницы. В 69-м – победа, премии, а на следующий год – провал. Как такое может быть? Прежние убытки перебросили? Мы тоже считать умеем.

– Может, – взорвалась я. – А про холеру вы забыли? Это она нам все подсуropила. Мы все лето и осень дополнительно содержали три перевалочные базы. Мы эти расходы все отдельно собрали, вот они и дали нам сверхубыточный следующий год. На все вопросы всегда есть ответы, если в них человек разбирается.

Я успокоилась и подробно разжевала что к чему. Кто тогда считал расходы и вообще, кто знал, во что все это выльется, главное было не допустить распространения этой заразы. «Ну что он сейчас скажет со всеми своими заготовками; если опять скорчит рожу, делая вид, что не понимает, тут уж я врежу ему по первое число, меж глаз, чтобы на всю жизнь запомнил», – теперь я скосила на него свой взгляд.

Как только таких людей на эти работы берут? Они же ска-

чут по поверхности, в суть дела совершенно не вникают. Или некогда, надо быстро под обвинительный приговор все сварганить, или не хотят. Вроде на юрфаке дураков не должно быть.

– Что же вы молчите, многоуважаемая? Может, оставить вас у нас в гостях, чтобы вы немного подумали и все-таки вспомнили, рассказали, где сейчас этот Мизинер. Подозрительно, у вас отчество, как у него имя, не отец ли он...

Следак тормознул на полуслове, а меня пробрал смех – только такого папы мне не хватало. Господи, дай мне силы удержать мой длинный язык за зубами, пока не соберусь с мыслями. Сорвусь ведь, а сейчас это ни к чему. Я только рассмеялась.

– Что хохочете, что-то родственное в этом есть. И забыли: смеется тот, кто смеется последним. Наверное, им буду я, но это не в вашу пользу. Не может быть, чтобы вы не знали, где он скрывается от нас. И про прежнего директора тоже хотелось бы выяснить. Говорят, он тоже к вам благоволил. Не сомневайтесь, нам кое-что известно, но я горю желанием вас послушать. И еще вот что. Доброжелателей в кавычках у вас предостаточно. Вам ясно, о чем я?

– Раз известно, зачем меня спрашиваете? И доброжелатели мои вам наверняка на ушко нашептали. Что я должна подтвердить или опровергнуть? Валяйте.

Я смотрела на этого самоуверенного следака и думала: «Было бы на мою личность хоть на пятак компромата, разве

мы бы сейчас разговаривали? И без тебя, мой немилый дружок, со мной бы давно порешили». Но все равно от волнения и отчаяния подлый пот покатился по спине, стали влажными руки и ноги. Его величество страх пульсировал по моему телу, пытаюсь вырваться наружу.

Опять курим молча, смотрю на грязные окна, давно не знавшие влажной тряпки, на эти решетки с улицы и изнутри, а перед глазами то первое мое задание от старшего экономиста: «Оля, возьми первую папочку, ознакомься с ней и начисляй амортизацию. Помнишь, что это такое?»

Отвечаю, что помню, но ведь вру напропалую; я, двадцатидвухлетняя выпускница нархоза, ни черта не помню, а почестному – не знаю.

Папочку-то я в руки взяла, открыла и в ужасе смотрю, как баран на новые ворота: с чего начать, как подступиться? Ой, Олька, берись за ум, учись! Зачем только я согласилась перейти в этот плановый отдел! В институте подфартило сдать зачет и экзамен по экономике, и тут же все вылетело из головы. Вот фильм, который смотрела после того экзамена, хорошо запомнила. Хороша все-таки Мэрилин Монро. Интересно, мне такая прическа пошла бы? А талия у меня ничуть не хуже.

Старший экономист, видя мою растерянность, помогает советом:

– Спустись в бухгалтерию к Светке, узнай, что нового поступило.

– А кто это?

– Она, как зайдешь, справа в углу сидит, пышка такая, щеки со спины видны.

Я едва не прыснула от смеха, боюсь поднять глаза на свою начальницу, она сама таких внушительных объемов, что не дай бог. В бухгалтерии, по-моему, все одинакового размера, толстушки аппетитные, вгрызлись в стулья, как кульки, набитые салом. Только две тетki из всех аккуратненькие, чувствуется, следят за собой, они, правда, и помоложе. Так лет десять здесь посидеть, и от них ничем отличаться не буду сама. Единственное развлечение в этой дыре – поесть. Употребление пищи начинается, как только, сойдя с автобуса, народ переступает порог отдела и устремляется на рабочее место. Первым делом врубаются электрические чайники, все, сколько есть. На стол выкладывается все, что кто притащил с собой. Главбух орет благим матом: когда, б...ди (без всякого стеснения), к работе приступите, никто не обращает внимания, пока перекус не завершится. Главбуху тоже вкусненькое перепадает, и он успокаивается, знает: то, что нужно, его бабы сделают, расшибутся, но сделают.

Завтрак в бухгалтерии – святое дело, а уж обед через пару часов – и вовсе, против КЗОТа не попрешь. А дальше все дружно щелкают костяшками на счетах, но заряда энтузиазма хватает ненадолго: нужно не прозевать отовариться в буфете, детки дома ждут что-то такое. Что? Никто заранее не знает, что завезут. Буфетчица, хитрющая такая кра-

шенная блондинка – молчок до последнего: что выложу – то и хапайте, другого не будет. Хапают все подряд. А еще нужно изловчиться и сбегать на склад. Здесь каждый сам за себя, кто как может устраивается. У кого какой склад, у того и сумки, набитые товаром оттуда. Лишних вопросов друг другу не задают, по негласному закону не принято. Все следуют совету Артема, грузчика со склада БВГ (бакалея, вино, гастрономия):

– Будете много чесать языком, можете им подавиться.

Я тоже это усвоила.

Счастливицу, возвращающуюся с полной корзинкой, провожают завистливым взглядом, когда та энергично заталкивает ее к себе под стол, придерживая ногами. Вот самая выгодная минута, когда можно подрулить к любой отоварившейся бухгалтерше с любым производственным вопросом. Она явно в настроении особенном производственном. Но поначалу я этого никак понять не могла и постоянно попадала невпопад со своими вопросами и, конечно, получала от ворот поворот. Возвращалась к себе в плановый ни с чем, понуро опустив плечи.

Непосредственная моя начальница, ни слова не промолвив, с остервенением хватала телефон, стоящий на тумбочке между нашими столами, и начинала по нему отчаянно наяривать. Если не дозванивалась по внутреннему, пыталась по городскому. Но когда она все же дозванивалась, то от ее криков дрожали стены с нашего третьего этажа до первого.

Легкий одесский матерок со специфическим юморком перемешивался с более крепкими выражениями, которые даже наши грузчики и босяки с Привоза стеснялись произносить. Народ, кто проходил мимо конторы по дороге, задира л голову и, если честно, с удовольствием слушал. Бесплатный урок настоящего одесского языка.

Она не давала возможности никому с другой стороны раскрыть пасть, вставить свои пять копеек в собственное оправдание. Это был второй Лейбзон, замдиректора базы, только в юбке; ее так же боялись, особенно ее острого языка. Горланить на всю округу моя начальница начинала так:

– Мадам, я не спрашиваю вас, хорошо ли вам было сегодня со своим мужем или с кем другим. Я послала к вам нашу молодую сотрудницу с вопросом, на который вы обязаны незамедлительно отвечать, причем в письменном виде, а вы свою толстенную жопу оторвать от стула не захотели, чтобы со стеллажа взять папку и продиктовать ей.

Передышки никакой, все на одном вдохе-выдохе:

– Докладная на вас, мадам, обеспечена, можете продолжать кушать свой фаршмак, только косточкой не подавитесь. Простой рабочего времени, моя хорошая, по вашей вине, ни премии, ни тринадцатой зарплаты вам не видеть, как собственных ушей без зеркала.

Трубка с шумом брошена на рычаг. Если Лилия Иосифовна переходила с кем-нибудь с «ты» на «вы», для того человека начиналась черная жизнь. Повторного звонка не следова-

ло. С ней никто не хотел ни спорить, ни, тем более, ссориться, она ошибки непонятно как с ходу вычисляла. Впрочем, чаще всего это была маска. Все знали, что моя начальница отходчива и не злопамятна. Так, накричит, бывает, оскорбит, не без этого, однако потом сама пожалеет, что не сдержалась, и премии не лишит, за это ее уважали. А еще за то, что обязательно все объяснит.

Я опять шла в бухгалтерию, в этот гадюшник, как называла его Лилия Иосифовна. Наш самый главный начальник всего планового отдела Мизинер каждое утро заглядывал к нам, здоровался, упирался спиной в радиатор под окном и проводил так называемую пятиминутку. Напоминал, что сегодня нужно кровь из носа составить и сдать отчетность по такому-то конкретному показателю. Потом обязательно интересовался, есть ли у нас к нему вопросы и пожелания, а завершал свой короткий начальственный визит каким-нибудь анекдотом. Почти все они были или идиотские, или с окладистой бородой типа: «Зяма приходит домой из школы и громко плачет: «Мама, ребята в школе дразнятся, что у меня зубы до полу достают. – Не плачь, Зямочка, это неправда, у тебя нормальные зубки... Не плачь, скотина, паркет пошкрябаешь». Случались и поостроумнее: «Доктор, у меня проблема с туалетом, не могу сходить. – Сохраняйте оптимизм, товарищ, идите в кино, театр, на концерт».

Лилия Иосифовна заглядывала в кабинет к Мизинеру подписывать только готовую отчетность, поскольку текучка

его не касалась совершенно. Он все время был при деле – Фигаро тут, Фигаро там. Чаще всего в транспортном цехе, вечно ремонтируя свой древний, как его анекдоты, «Запорожец». А как только его грохотавший, как танк, тарантас был на ходу, Мизинера на базе только и видели. В радость нам, хоть временная, но свобода, напряжение будто ветром сдувало. Мы все счастливо расправляли плечи, что-то там быстро чирикали на бумаге, готовя очередной документ, а так обменивались впечатлениями и мнениями на волнующие нас темы, в основном, конечно, любовных отношений. Нет, нельзя сказать, чтобы Мизинер бесследно пропадал. Регулярно он прозванивал, говорил, где обитает: то на Михайловской в цехах, то в банке или в Главке. Заявлялся он так же внезапно, как исчезал, и вновь мы оказывались под колпаком. Серые мышки, тарактели на счетах.

Поначалу он настойчиво пытался повысить мой профессиональный уровень, но столкнулся с резким непониманием с моей стороны. Однажды, когда, увлекшись объяснением какого-то материала, он, как бы невзначай, левой рукой нежно провел по моей юбке, а потом и по коленке, я с такой силой турнула его, что этот бывший морской офицер чуть не слетел со стула. Наглец, он еще меня пытался сделать виновной. Видите ли, решил пододвинуть стул, и его рука случайно нырнула мне под юбку и скользнула по моей ноге.

Вторая попытка также не увенчалась успехом. Повез меня на Молдаванку в наши два цеха, так сказать, на практи-

ке продемонстрировать производственный процесс, и здесь я Мизинера упекла, как говорил один мой знакомый парень с Шестнадцатой станции, уложила на обе лопатки. Мои познания в области пищевой промышленности его обескуражили. Я как стала шпарить ему, как нас, школьниц, обучали на кондитерской фабрике и какие там мощности и объемы. И как мне присвоили второй разряд резчицы мармелада. Он так смеялся, был в приподнятом настроении, трещал без умолку обо всем подряд, опять сыпал анекдотами.

– Знаешь, Ольга, когда мужики проштрафятся, их можно, извини, за яйца подвесить. Теперь ты понимаешь, почему в бухгалтерии работают в основном женщины. Что бы они ни натворили, их-то подвесить не за что.

– Не остроумно, – буркнула я.

На обратном пути он неожиданно остановил свой драндулет и бросился в объятия, больно сжав меня за плечи. Такой маленький, невзрачно-плюгавенький, но сильный, засранец, оказался. Я еле распутала его крепкий морской узел, с трудом вырвалась на свободу.

– Шуток не понимаешь, красавица, – с обидой в голосе произнес он. Ему, видите ли, почудилось, что я ему на работе строю глазки, специально накрашенная прихожу и ношу до опупения короткие юбки, в общем, мол, сама провоцирую на такие необдуманные поступки. Ржет стервец, а шаловливые его ручки так и тянутся к моим коленкам. Еле открыла дверь его колымаги и выскочила на улицу. На следующее утро он,

как ни в чем не бывало, появляется в нашем кабинете с очередным инструктажем и в руках демонстративно, чтобы все видели, держит мои перчатки. Вот гад!

– Олечка! Вы своей рассеянностью вчера чуть не поссо-рили меня с моей женой.

Я чуть не обалдела, вся покрылась краской ненависти.

– Заехал за женой на работу, она садится в машину, а на полу эти перчатки. Еле выкрутился, Лиля Иосифовна, каюсь, сказал, что это ваши. Запомните, девочки: ничто так не портит личную жизнь, как семейная.

Мизинер положил передо мной испачканные, затоптанные моими ногами перчатки. Вероятно, они свалились на пол, когда я от него отбивалась. Когда он вышел, девчонки стали как-то странно улыбаться. Я до того разозлилась, что выматюкалась и поклялась в следующий раз своими ногтями ему всю рожу разукрасить, мне эти мансы ни к чему. Пусть и тогда ссылается на мою начальницу. Свою тираду я выплеснула достаточно громко, так что было слышно на весь этаж.

После этого больше Мизинер меня в свою машину не приглашал, только так игриво посматривал в мою сторону и посмеивался, иногда приговаривал:

– А вроде с виду мягкая кошечка, почти котенок, а внутри хуже тигрицы. Как у женщин внешность обманчива, или я ошибаюсь?

Все приедается, и на меня он перестал обращать внимание. Теперь он все чаще коротал время на первом этаже в

бухгалтерии, приглядывался к людям; мы уже знали, что его уговорили занять должность главбуха.

Через несколько дней Мизинер действительно стал паковать свои вещи, но перед тем, как окончательно перебраться, решил лично переговорить с каждым сотрудником. Дошла очередь и до меня. Его предложение меня поразило.

– Присаживайся, Ольга, разговор долгий предстоит, – он подвинул мне стул, сам сел напротив и игриво так улыбнулся. Боже мой, взгляд-то какой влюбленный и кроткий, и эта извиняющая его улыбочка: подруга, что же мне с тобой делать?

Он придвинул стул еще ближе ко мне, его колени едва не уперлись в мои. Я тут же подхватила и рванула к дверям.

– Оля, да ты что? Вот, газель пугливая. Сядь, я уже сам тебя боюсь. Айда со мной в бухгалтерию, вместе будем учиться, познавать тайны мадридского двора на новом месте. Ты девушка хваткая, быстро освоишься. Я, если буду уходить, тебя в начальники порекомендую. Так как?

– А никак. Спасибо за доверие. Как в вашем любимом анекдоте: обучим, трудоустроим, подставим, посадим, – не удержалась, дурочка, и съехидничала.

Его кошачьи глазки прищурились и брызнули искорками, как лучиками усмешек, потом совсем по-мальчишески он заржал на тридцать два вставных зуба. Его бело-розовая кожа в сплошных рыжих веснушках стала пунцовой.

– Не торопись, подумай, пожалуйста. Что касается наших

личных отношений... Даю тебе честное слово военного моряка – никаких приставаний и другим не позволю. Хотя ты и сама можешь за себя постоять. Можешь же?

– Не сомневайтесь.

– Кто бы сомневался, только не я. Мне нужен заместитель, ты закончила учетно-экономический факультет, посему тебе прямая дорога в бухгалтерию. Что глаза закатываешь?

– Чтобы я добровольно спустилась в этот гадюшник? Туда зайти невозможно, так пахнет. Не «Красной Москвой».

Он рассмеялся:

– У тебя будет отдельный кабинет, обещаю.

– Рядом с вами?

– А как же, – он опять улыбался. – Как звучит: заместитель главного бухгалтера Ольга Иосифовна Приходченко. Все с завтрашнего дня тебя будут только так величать. Ну что, согласна, Ольга Иосифовна? Я со всеми уже согласовал, никто не возражал. Представляешь, такой громадный коллектив в твоём подчинении, а объёмы какие. И материально выгодно. Ты меня понимаешь? Богаче тебя не будет невесты в Одессе.

– Ещё скажите, что женихи в очередь выстроятся от Потемкинской лестницы до нашей базы. Мне уже светила эта перспектива, после института по распределению в солнечной Молдавии. Года на три главбухом в какой-то дыре. Еле отмоталась. И вообще, не мое это, так что спасибо за доверие и извиняйте. Буду продолжать в плановом, жаль только, что вы от нас уходите. Мне с вами интересно, как и с Лилией

Иосифовной. У вас не грех поучиться. Но раньше времени не хочу ложиться в гроб с музыкой.

– Куда? – на лице Мизинера застыло удивление.

– Не пугайтесь, я так бухгалтерию называю. Мне такое удовольствие ни за какие деньги не надо. Я еще жизни хочу радоваться и спать спокойно. Видела, чем все кончается. Небо в клеточку и передачи. Или вы забыли? Я лично никогда!

Желваки заиграли на его лице, он со всей силой хлопнул по столу, как ладонь не отбил.

– А ты считаешь, мне это нравится? Я мальчишкой только морем грезил, всю жизнь мечтал служить на флоте. Как думаешь, мне, еврею, легко было стать офицером, в училище морское пробиться, вступительные экзамены на пятерки все сдал, но до последнего не знал – зачислят или нет? Я на Севере служил не за звездочки, я жизнь свою, здоровье этой службе отдал.

Мизинер тяжело вздохнул, налил из графина полный стакан воды и выпил залпом.

– У меня все зубы вставные, свои повылетали уже в двадцать пять лет, а к тридцати и поседел и облысел. Жена тяжело болела. И вдруг Хрущ такое сокращение в армии устроил. Миллион двести. Кто первым у нас вылетел? Ну, ясно, я. Пришлось начинать все сначала, а у меня семья, ребенок. Жили впроголодь.

На какое-то время наступила тишина. Мы молча долго

смотрели друг на друга. Я переваривала то, что только что услышала, пыталась выдержать его взгляд, но не получилось. Человек действительно настрадался, но что мне делать, если не лежит душа к этой проклятушей бухгалтерии. Да и вообще, рвать бы поскорее когти с этой базы. Я же так театр любила, и пела, и танцевала, и фехтованием специально занималась, для артистов это обязательно. Но Алка, сестрица моя старшая, горою стояла – только через ее труп.

– Ладно, иди, помощница. Я так на тебя надеялся, – мне показалось, что кошачьи его глаза повлажнели. Хотела сказать, что помогать ему, чем смогу, готова всегда, но слова застряли в горле. Почувствовала: еще немного и сама заплачу. Мужик он настоящий, и ухода за ним, если бы продолжались, были бы настоящими.

Эти воспоминания нахлынули на меня, пронеслись мгновением, когда в который уже раз и который день пытались выудить у меня, где Мизинер. Его уже объявили во всесоюзный розыск. В чем его обвиняют этот следователь и вся его бригада, какую статью хотят припаять? Осторожно намекнули, что, мол, наш главбух – организатор гигантских хищений. Смех да и только. Что украсть мог этот невезучий бывший офицер Северного морского флота и бывший мой начальник планового отдела? Грамотный, высокообразованный человек. Зачем он только добровольно поперся в этот крошечный ад? Кого выручил? Кто ему что обещал? Навкалывался там будь здоров, торчал с утра до ночи, конюшни

решил авгиевы расчистить. Расчистил? Радовался, как мальчишка, что у него получается. Похоже, видел свет в конце тоннеля. Старался для всего коллектива, только кто это оценил. А в итоге и свою жизнь загубил, и собственной семьи. В бегах, какой ужас! А ведь так с каждым может быть, кто здесь работает. И со мной тоже. Стоит только этим следакам захотеть. Им ничего нельзя доказать, у них на все только свое мнение, они, если захотят, выбьют его из кого угодно.

Мурашки поползли по телу. В голове стучало: обвинить могут по любому вопросу, было бы желание. Смотреть на лицо моего мучителя я больше не могла, уставилась только на его омерзительные руки, не находящие себе покоя. Как много, оказывается, они могут рассказать о человеке. Еще студенткой на практике в совхозе я видела большие сильные руки для настоящей мужской крестьянской работы. Или вот эти, обтянутые белой кожей, с безукоризненно чистыми ногтями, постоянно трущие влажные и слегка подрагивающие пальцы. Я представила, как эти руки ласкают женщину. Тошнота подступила к горлу.

– Извините, мне нужно в туалет.

– Пожалуйста, вы знаете где. Мы же не в царских застенках, чтобы вы мочились прямо здесь от страха.

– Мне не мочиться, меня тошнит.

Опана! А Мегера, как ее называют за глаза, похоже, беременна. Тошнит ее! Сейчас самое время ее додавить. Бабы все в таком состоянии сговорчивые. Быстрее бы возвращалась.

Он громко говорил сам с собой; я стояла под дверью и все слышала. Тошнота постепенно прошла, но я все равно медленно поплелась в туалет, вспоминая любимую бабушкину поговорочку: «Если ты беременна, знай, что это временно. Если не беременна – это тоже временно».

К сожалению или счастью, не от кого даже забеременеть, гражданин следователь. Это от вас меня уже тошнит. Неужели есть какая-то женщина, которая его любит? А почему бы и нет? Жабы же тоже друг друга любят и, наверное, считают себя привлекательными. Хохоток недолго с улыбочкой меня порадовал, помыла руки, посмотрела на свои когти, загибаться уже начали, как у хищницы. Надо сегодня не забыть их подпилить, а то обломаются. Вперед, Мегера!

– Все в порядке? – ух ты, какой галантный, какой внимательный. – Я вас слушаю – или вопрос повторить? Вы продумывали свой ответ, я угадал?

Господи, только бы выдержать эту опостылевшую физиономию и это гэкание, которое я органически не переношу.

– А мне нечего думать, этот расчет в принципе правильный, правда, есть одно но.

– Ну-ну.

– Я его делала, не полностью еще разбираясь в хозяйственной деятельности нашего предприятия.

– Продолжайте.

Он вплотную придвинулся ко мне и насупил брови: давай, давай, выкладывай. От его подмышек сквозь нейлоновую ру-

башку так понесло, что меня действительно чуть не вырвало. Непроизвольно отпрянула назад, лишь бы не вдыхать этот аромат от потных разводов.

– Пожалуйста, смотрите документы дальше. Видите...

Я ему принялась все подробно объяснять про остатки на конец года, заготконторы, с которыми у нас заключены договора на поставку картофеля и овощей, про железную дорогу, нас иногда она подводит, наконец – самое главное – про контейнеры, которых катастрофически не хватает, вынуждены грузить товар, тот же картофель навалом. А в третьем квартале контейнеров у нас вовсе нет, не видим их в помине, особенно если они новенькие. Им ноги делают – и по Украине рассовывают или еще куда, на Север, например, откуда они в жизни не возвратятся. Остаются только не подлежащие восстановлению, а полностью изношенные и идущие под списание. Мы их и списываем.

Раньше никого не интересовала прибыль как таковая. А как это постановление о материальной заинтересованности по результатам работы за год вышло, оно заставило внимательно проанализировать, какие у базы имеются резервы ее получения. Мизинер, когда стал главбухом, вник в дела на новом месте, обратил внимание на эту статью расхода и, как грамотный бывший начальник планового отдела, исправил эту несуряжицу. В конторе тогда много спорили, но решили: главбух прав.

Я так орала...

Лицо следователя вытянулось, он смотрел на расчеты, на свои заранее заготовленные пометки:

– Извините, я вас сейчас на минутку покину, а вы пока передохните, нам еще долго беседовать по душам.

Он засуетился, замахал своими руками-граблями, спрятал все свои бумажки в стол и удалился из комнатухи, которая окончательно вся провонялась.

Наконец-то хоть какая-то передышка. Я выдохнула и облокотилась на спинку стула. Потом повернулась и увидела сидевшую за другим таким же столом молодую заведующую магазином из нашей системы. Мы изредка пересекались, но имени я ее не знала, да и номер магазина запомнила. Она делала мне какие-то жесты.

– Может, сейчас нас отпустят, ваш выдохся, мой – тоже. Я на машине, могу вас подбросить на Кагаты. Нормально, Григорий?

Я кивнула головой:

– Отлично, Константин!

Эта фраза Жванецкого до того прижилась в Одессе, что употреблялась по делу и без такового. В ней была какая-то притягательная сила. Между людьми, которые обменивались этими, казалось, на первый взгляд ничего не значащими именами, удивительным образом возникала обратная связь. Они становились единомышленниками, испытывали друг к другу доверие. Человек как бы протягивал тебе руку. И ты, не задумываясь, отвечая в ответ, протягивал ему свою.

– Вас-то с чем сюда таскают? Шьют вашему начальству неправильно выплаченную тринадцатую зарплату. Она им жить не дает. Люди вкалывали, чтобы Одессу обеспечить, их в жопу целовать надо, а они – хищение по сговору в особо крупном размере. Разве не идиотизм? Залепят всем срока.

Подхватывать разговор особенно здесь не хотелось, да и вообще об этой даме ходили такие легенды, что лучше их не знать, как и подальше держаться от самой особы, никаких дел с ней не иметь. Кто его знает, какие еще сплетни обо мне сочиняют? С чего это вдруг оба следователя разом вышли? Перекусить, чаек попить? Я бы тоже не отказалась, в горле пересохло, и под ложечкой засосало, я же из дома выскочила, даже кашу не глотнула, один бутерброд с сыром. Нет. Сто процентов, чтобы нас послушать, о чем мы между собой говорить будем. Явно советуются, как дальше поступить. Значит, точно для руководства своего материалы по премии готовят. А у тех решение давно созрело, все эти расследования для отвода глаз, ждут только сигнала снизу от таких ребят – всю торговлю пересажать к чертовой матери, разогнать эту мафию. Всех подряд, без разбора. Ну, разгонят, а работать кому, вас и ваших жен с детками кормить кому, пайком одним милицейским или прокурорским не обойдетесь. Фруктишек заморских, свежих овощей, сочка томатного и яблочного тоже очень хочется.

Лично я эту несчастную премию с удовольствием бы вернула – пусть подавятся. А с рабочих как взять? И со служа-

щих, и прочих. Все получили, радуются, а отвечать руководящей троице. А где все-таки Мизинер? Вдруг они нарочно морочат мне голову, а сами его упрятали и теперь вытягивают из меня жилы, выжидают, берут измором. Но больше, чем я сказала, мне сказать нечего. Я же все показала, что премия начислена верно и прибыль рассчитана правильно. И Мизинер, если он у них, будет стоять на этом, надо знать его характер. И не врет человек, не выгораживает начальство, это на самом деле так.

А мой-то как заерзал, услышав мои объяснения. Почему не предложил изложить все, что я говорила, в письменном виде? Значит, мои объяснения им не подходят, наверху от него другого ждут, а так, выходит, на прежнее руководство базы тень на плетень навели, оно по этому обвинению неподсудно, людей без вины в тюрьме держат. Господи, какой упертый тип, через труп переступит и глазом не моргнет. Понимает, что не прав, не там рыщет, но разве признается в этом. Как он обалдел, когда услышал про холеру? Короткая у всех память, никто и вспоминать не хочет, как весь город на ушах стоял, какие затраты понесла наша база. Как круглосуточно, спасая ситуацию, работал Чупринин и его четвертый склад. Безотказный порядочный мужик, отблагодарили, загремел по полной... Где же он, следовательно, я докажу ему, что наша прибыль может быть еще выше. И опять это связано с этой, будь она неладной, амортизацией.

Еще при Хрущеве город накопил всякого оборудования

для торговли. В Венгрии или Чехословакии оно себя полностью оправдывает. На каждом шагу кафе с автоматами для выпечки всякой вкуснятины. Булочки тают во рту. На Дерибасовской за «Алыми парусами» тоже открыли такую «точку» быстрого обслуживания, затем в начале улицы Карла Маркса. Бросаешь монетку в прорезь, и, пожалуйста, опускается тебе на тарелочке булочка с маком или блины с джемом. Еще бросишь – чашечка ароматного кофе. Так здорово было, все на виду.

Но открывали-то с помпой, зато как по-тихому закрыли. Не хотели эти проклятые машины жарить пирожки на воде, им высшего качества масло подавай и муку высшего сорта. В Прибалтике прижилась, а в Одессе дудки. Наше общепитовское начальство по командировкам шастало, то у прибалтов, то у венгров с немцами в ГДР перенимало опыт. Напринимались и замолчали. А поскольку девать это оборудование некуда было, сбросили к нам на территорию. Навязали прежнему руководству базы принять на баланс этот безхоз. Новенькая, даже почти нераспечатанная, так в закрытых контейнерах и стоит эта техника по сей день, на счастье крысам и «несунам». Те со своими длинными «умелыми ручками» то одно упрут, то другое.

– Там детальки для самогоноварения то, шо надо, – бормотал старый мастер котельной, но сам ничего не стянул, боялся. Мизинеру удалось что-то списать с нашего баланса, что-то вернуть в общепит. Но еще до черта оставалось этого

барахла, и, конечно, все это отражалось на нашей прибыли.

Сейчас Мизинера нет, и Лейбзона больше нет. У остальных мозги не варят, как быть с этим говном дальше, так и будет висеть на базе? На директоров надежды тоже никакой. Даже в мою бытность они так часто менялись, что всех и не упомнить. Один колхозник объявился, согласился ради квартиры в Одессе на эту должность. Думал, что это как в колхозе председателем быть. А как понял, куда попал, что ни знаний, ни опыта, уже о связях вообще молчу, так и заткнулся. Мужуку пятьдесят лет, а визжал от страха, подписывая каждую бумажку, как хряк, которому кастрируют яйца без анестезии.

– Ольга Ёсифовна, шо цэ такэ? – причитал он. – Я ничего нэ розумию, тилькы писля вас пидмахну.

Хату, сволочь безграмотная, получил, да не какую-то, а трехкомнатную в хорошем месте, и тут же смылся. Деру дал, только пятки грязные сверкали.

Я каждые полгода, как штык, пишу докладные с уведомлением о вручении о творящемся безобразии, но ни привета, ни ответа. Дома собираю копии на всякий случай, авось пригодятся. Папочки растут в объеме на нашей антресоли, как дрожжевое тесто у бабки под подушкой.

Никто и не собирается заниматься этим вопросом. Кто отдавал подобные распоряжения, давно занимает другие руководящие должности, и их теперь это не касается. Когда-нибудь найдут того несчастного, кто окажется крайним? И се-

годня могут, и завтра, и через год, и через десять лет, когда вообще никаких концов невозможно будет найти. Сталина бы на них, как говорит наш начальник отдела кадров, давно бы все на Соловки паровозиком отправились. Но и он страх нагоняет только до двенадцати дня, а потом уже лыка не вяжет. Не успели с ним вопросы решить в первой половине дня – все, хана. Во второй его уже загружают в машину и увозят домой. Такая у некоторых командиров производства тяжелая работа. Нервная.

– Ольга Иосифовна, закурите? – отвлекла меня от моих грустных мыслей завмаг и протянула пачку сигарет. – Меня они в прошлый раз часа два так держали, сами уперлись, а я, глупая, ждала. На измор брали. И еще таким наивняком прикинулись, когда вернулись, ехидненько так спрашивают:

– Вы еще здесь? Мы думали, вы давно уехали на своих новеньких «жигулях». «Жигули» мои им покоя не дают. За машиной я честно отстояла огромную очередь. А с деньгами мне помог бывший директор магазина. Даже скорее не мне, а двум моим мальчишкам-близнецам. У него своих детей не было, и жена давно умерла. Существуют же на свете нормальные человеческие отношения. Но, к сожалению, кое-кому они неведомы, слухи разные про меня распускают, а я ведь ничего не скрываю.

Я понимала, что всю эту тираду женщина специально громко не для меня выдает, и только согласно кивнула в ответ головой. Как я устала, мне же еще на базу возвращать-

ся. Столько работы, весь мой стол наверняка документами завален. Мы со старшим экономистом, теперь моей верной подругой, на пару тащим весь этот воз. Завозная кампания в самом разгаре, впереди еще закладка на зимнее хранение. Со свободным временем швах, у меня ничего нет, кроме этой проклятой работы. Я, по-моему, сама загнала себя в туннель-тупик, из которого нет выхода.

– Ольга Иосифовна, валим отсюда, – предложила заведующая, – пусть повестками официально вызывают, а то взяли моду звонить, когда им вздумается. Пальчиком манить. Хотите я вас подвезу?

– Спасибо, я тачку отловлю.

– Тогда, может, перекусим где-нибудь, жрать охота.

– Нам с вами лучше вместе не светиться.

– Оля, а ты что, меня совсем не узнаешь? Нет? А я тебя сразу признала. Мы ведь еще со школы знакомы. Не помнишь? 56-я старая школа в Аркадии?

Я смотрела на эту симпатичную, немного полноватую молодую женщину.

– Убей меня бог, не помню.

– Поехали, по дороге напомню. Моя девичья фамилия – Соболева. Я Наташа Соболева. За тобой бабушка приходила, и я с вами топала до вашего дома на Шестой станции. Мне было дальше, на Бугаевку. Ты еще однажды туфель в грязи потеряла, а потом уже, как все, ходила в резиновых сапогах. А подружка у тебя была Ленка Дориенко. Вы с ней «Жизнь»

Мопассана в школу притащили, так мы книгу из рук рвали друг у друга, тайком читали. Читали про первую брачную ночь и заливались краской.

Седьмой класс. Ох, как мне влетело. Бабка, когда увидела роман, веником отметелила, а потом и мама тапком по морде добавила. Хорошо еще, что от сестрицы утаили. Так что за классика мне досталось. Но девочку Наташу Соболеву признать в этой женщине я никак не могла.

– Неужели я так сильно изменилась? – Наташа горько вздохнула. – А ты вот еще совсем как девушка, только смеяться перестала. А ведь такая смешливая была. Этот твой следак так на тебя пялится, а мой сидит и похихикивает. Развлекаются хлопчики. Чтобы боком им повылазило их развлечение. На меня у них ничего нет. Я дяди Васины советы чту, как отче наш. Поговаривали, что он катала, карточный шулер. Не знаю, милейший человек, доброжелательный. Ты его еще застала?

– Так, смутно.

С трудом, но все-таки вспомнила, что мы с ней учились в одном классе, правда, всего один год, в седьмом. Рядом со старой 56-й школой находилось громадное новое здание Партшколы. Мы туда на переменах за вкусными жареными пирожками бегали. Ими торговали «леваком» прямо из окна их партийной столовой. Мне смешно стало, и тогда, получается, был партийный левак. Наташка очень часто пропускала уроки и в новую школу не перешла. Говорили о ней, что

она после семилетки пошла ученицей на какую-то фабрику. С тех пор больше ни разу с ней не виделась, если не считать мимолетную встречу в нашей диспетчерской, о которой Соболева говорит, и вот на тебе, где пришлось столкнуться.

– Оля, поехали ко мне, я вчера борща наварила, еще кое что нашкрябаем. Я давно хотела с тобой поговорить. Но все не складывалось, и видела, ты меня не узнаешь.

– А поехали, ноги в контору не несут. Где ты живешь?

– Все там же. Только дядя Вася дом помог новый отстроить. Моих ребяток любил так, как родные папаши не любят. А ты где живешь?

– Все там же, на Шестой, с мамой, бабушкой и сестрой.

– Серьезно?

– Вполне, ничего не изменилось, слава богу.

– А на кой ляд ты на базе лямку тянешь, если даже собственного угла не имеешь? Уж с однокомнатной кооперативкой они могли тебе помочь. Для личной жизни, ну, там, того-сего? Взрослая же тетка. Сколько лет уже пашешь? Семь? Вот суки.

– Может, и помогли бы, но я не обращалась. Не хочу ни от кого зависеть. Заработаю еще на квартиру или замуж удачно выскочу.

– Вот это дело. Все, прикатили. Мои архаровцы в пионерском лагере. Я их на все лето сбегриваю, на все три смены отправляю. Бабушка умерла, присмотреть за ними некому. Они дядю Васю побаивались, пока он жив был, я была спо-

койна. А сейчас с ними никакого сладу.

– Сколько им?

– Два раза по двенадцать. Я их в шестнадцать родила на свою голову.

Мы тормознули у ворот Наташиного дома, она быстро выскочила из машины и так же быстро, привычными уже движениями открыла их, и мы въехали вовнутрь. Широкая асфальтированная аллея, обвитая виноградом, упиралась в довольно большой дом. Лохматая непривязанная собака бросалась на дверь с моей стороны.

– Васька, на место, я кому сказала – на место, это свои. Выходи, не бойся, Оля, он не тронет.

– Я знаю, что не тронет, у меня сучка дома, Капка. Сейчас Васька нанюхается и признает. А вдруг цапнет?

– Вася, свои, фу! А ты все такая же собачница? Помню твоих животных: рыжая дворняга и кошки. Так?

– Да, только Дружок умер, и коты погибли. Теперь маленькая у нас собачонка, из пинчеров, девочка Капа.

– Дружка вашего хорошо помню. Как он очередь за мукой честно отстоял в магазине, бедняга часа три с бабкой твоей в толпе мучился, но свои два килограмма получил. Продавщица шутила: «А шо, он не человек? Шо, ему жрать не надо? Всем хватит!» Народ смеялся. А без Дружка, без драки не обошлось бы, все на взводе, достанется или нет, не зря стоим.

– Наталья, у тебя здесь просто рай.

– Да, этот рай как бы мне боком не вышел. Где присядем, на веранде прохладно, не замерзнешь? Сейчас плед притащу. Давай чекалдыкнем в честь встречи. Нормально, Григорий!

– Отлично, Константин! – смеясь, ответила я. Надо же Михаилу Михайловичу придумать такой пароль.

Мы засиделись дотемна. Устроили себе небольшой праздник, переговорили обо всем на свете, друг другу выложили все без прикрас. Когда я уходила, Наташа грустно пошутила, что нас на допрос, как на дуэль вызывают, как Пушкин Дантеса или граф Монте-Кристо сына Мерседес, она забыла, как его зовут.

– Наташ, они за честь свою или честь женщины стрелялись, жизнь на кон ставили, а эти за какую честь с нами рискуют? Начальству своему угодить, а себе звездочку очередную на погоны присобачить. Ну как же, разоблачили крупных растратчиков народного добра. Та девчонка девятнадцатилетняя с четвертого склада, только техникум окончила – растратчица, опасная преступница, в тюрьму ее, а она никогда двадцатипятирублевку в руках не держала, ее восемьдесят рубчиков в зарплату ей пятерками и десятками в кассе отсчитывали. В одной юбчонке бегала, так в ней и в камеру попала. Всем миром собрали ей теплые вещи, беременная она. Думаю, пользуются ее состоянием и радуются своим разоблачительным успехам.

Одесская завмагша мадам Соболева

Когда Наталья затягивалась очередной сигаретой, лицо ее в болезненной ухмылке изменялось до неузнаваемости. Она часто запрокидывала голову, и в этот момент казалось, что она заглатывает невидимые слезы. Голос сначала дребезжал, затем стихал, так что мне приходилось напрягаться, чтобы уловить, о чем Наталья говорит.

– Олечка, ты какого года, сорок шестого? А я в сорок пятом родилась. Моя мама, царство ей небесное, встретила молодого красивого морячка в санатории, где тот долечивался после фронтового ранения. Танцевать он не мог, и они вместе коротали время на лавочке в глубине парка. Провожал он ее только до калитки, дальше, до трамвайной остановки, тоже не мог, для него слишком далеко, ноги сильно болели.

В очередное воскресенье он и на танцах не появился. К ней подошел его товарищ по несчастью и сказал, что у Пети воспалилась рана, ему опять ее почистили и теперь он отлеживается в палате. Посторонним заходить в корпус не разрешалось, но есть вариант – через открытое окно, если она захочет, благо палата на первом этаже. Девушка не возражала, Петины товарищи ее аккуратно подсаживали, и она сразу оказывалась в объятиях любимого. Так она и лазила к нему,

пока его не выписали, и Петр укатил к себе на родину, обещая обязательно вернуться.

Обещанного, как говорится, ждут три года. Но для девушки они превратились в бесконечность. Или что-то случилось, или Петя забыл вернуться, но след от курортного романа остался – недоношенная Наташка появилась на свет за два месяца до окончания войны.

– Трудно в это поверить? Мне самой не верится. Роды у мамы были тяжелыми, последствия печальными – мама умерла, когда мне было всего два годика. Дорогой папочка, бравый морячок, так и не появился. Меня воспитывала бабушка, тянула, что называется, из последних сил, я была ее вечным хвостиком. Жили мы здесь же, на Бугаевке, в маленьком домишке с огородиком. Он был нашим спасителем, кормил круглый год. Мы высаживали кукурузу, летом в пляжный сезон бабуля варила ее, мы несли подрумяненные початки в Аркадию, запасшись солью. Бабушка громко кричала: «Пшенка, пшенка, горячая, вкусная пшенка!» Я, мелюзга, ей подпевала: «Пьсенка, пьсенка!» Еще бабушка держала корову, по тем временам целое состояние.

Каталы, работающие в Аркадии, покупали кочаны только у маленькой Наточки и не брали сдачу. Особенно один, по имени дядя Вася. Он даже предложил бабушке оставлять девочку возле них, пока она разносит кукурузу, чтобы ребенок не таскался по жаре и по огненному песку. Женщина сначала не соглашалась, но потом так привыкла, что доверяла. Дядя

Вася дарил Наточке красивые вещички, туфельки, платица, а однажды где-то раздобыл для нее симпатичную немецкую куклу. Такая во всей Бугаевке была лишь у нее одной. Девочка с гордостью и на зависть подружкам говорила: «Мне дедушка Вася подарил, он хороший».

Но пришла осень, и каталы исчезли вместе с курортниками. На следующий год летом они опять торговали на пляже с самого начала сезона. В кулечки фасовали черешню, потом абрикосы, яблоки, груши, а в августе шел основной товар – отварная пшенка. Каталы появились, как обычно, с первыми приезжими, однако среди них не было дяди Васи. А эти новые не обращали внимания ни на бабу, ни на уже подростковую внучку. Баба осторожно расспрашивала про дядю Васю, но никто такого не знал.

Когда Наточка подросла, то уже сама с тяжелой сумкой тащилась на разные пляжи, продавая свой незамысловатый товар, бабушка заранее готовила его дома, но выбиралась в Аркадию или еще куда дальше на фонтанские пляжи. А тут еще беда с коровой, она заболела, пришлось прирезать. Жить стало тяжелее. Чего только не придумывала бабушка – и семечками торговать, и пирожки жарить, выручки это приносило мало. Пришлось Наташе после семи классов уйти из школы и наняться на работу на Джутовую фабрику. Тоже за небольшие деньги, а кто будет хорошо платить ученице?

– Если бы ты только знала, Оля, как я тебе завидовала тогда! Ты очень отличалась от остальных наших однокласс-

ников. Это сразу было заметно. Тебя из школы обязательно забирала бабушка или соседка. А еще ты отдавала свой завтрак кому угодно, лишь бы самой не кушать, мне тоже перепало. Но больше всего удивило, когда нам делали прививку под лопатку; девочки все разделись и все уставились на тебя, как на чудо. На твое нижнее белье уставились – самодельно сшитый лиф, к которому пристегивались чулки. А мы, дурочки, носили круглые резинки, от которых на ногах оставались глубокие полосы.

Ну, Наталья, вспомнила. Бабку мою от этих резинок коробило, они же портят ноги девочкам, и вдобавок этот ужас: сверху на всех, как под копирку, были надеты обыкновенные майки и трико. Бабка полностью выстрочила мне лиф и гладью над грудью вышила шелковыми нитками яркие цветочки с зелеными листочками, и все это отделала кружевом, выпоротым из каких-то старых простыней, называемых прошивами.

– Видишь, я до сих пор помню. Девчонки все над тобой смеялись, просто покатывались со смеху, да мы просто завидовали тебе.

– Да, ладно, брось ты! Чему завидовать? От нищеты бабка и меня, и сестру обшивала. А я, знаешь, вам завидовала, что на вас магазинные майки и трусы.

Наташка уставилась на меня:

– Поделись секретом, ты как была в школе худючей, так и осталась.

Соболева, ты же мою болевую точку нащупала. Сказать, что я оказалась самой худой в седьмом классе, это ничего не сказать. Я вымахала только в рост, такая тонкая жердь, тогда как у других девчонок были уже такие формы, хоть куда. Медсестра тогда тоже удивилась моему наряду: «У тебя что, бонна есть все эти крючки расстегивать и застегивать? Тю! Это же надо?»»

И как всадит мне иголку под торчащую острием лопатку, так больно, что я заорала на всю школу. И хоть бы кто пожалел, наоборот, обозвали принцессой на горошине. Неделю после этого на уроки не ходила, температурила и не могла руку поднять. Как ни странно, у меня это место от укола до сих пор ноет. Мое тело вообще никакие уколы не переносит.

– А дальше, Наталья, что было?

Я внимательно смотрела на нее, мы с ней одного возраста, но она сильная мощная женщина с красивой грудью, ладной попкой, думаю, размера пятидесятого, если не больше, а я осталась кощеем, недотягивающим даже до сорок четвертого.

– Дальше, как у всех – влюбилась. Наверное, это не любовь была, как мне тогда казалось, а первый девичий порыв. С девчонками на танцы пошла, на турбазу в Аркадию. Ты ведь тоже туда хаживала, я тебя там видела с ребятами из вашего двора, а мы собирались с девчонками с нашей улицы. Помнишь, там промышляли два Серых? Два Сережки с Петрашевского? Они потом в артучилище на третьей Фон-

тана поступили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.